

A romantic couple in historical costumes. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a white high-collared shirt with lace cuffs. He holds a silver candelabra with three lit white candles. The woman, on the right, has long dark hair and is wearing an ornate, off-the-shoulder gold and brown dress with lace and ruffles. She has a gold necklace and earrings. They are looking at each other closely. The background is dark and smoky. The image is framed by ornate yellow scrollwork in the corners.

Бертрис
СМОЛА

Околдованная

Наследие Скай О'Малли

Бертрис Смолл
Околдованная

«АСТ»

2001

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Околдованная / Б. Смолл — «АСТ», 2001 — (Наследие Скай О'Малли)

ISBN 978-5-17-100166-7

Как быть юной английской аристократке, которая вышла замуж за француза и вскоре осталась вдовой? Принять ухаживания короля Франции – и стать блистательной королевой Версаля? Или подарить свое сердце мужественному и отважному Габриелу Бейнбриджу, герцогу Гарвуду, – и подчиниться властному закону всепоглощающей страсти?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100166-7

© Смолл Б., 2001

© АСТ, 2001

Содержание

Пролог. 3 сентября 1650 года	6
Часть первая. Англия и Франция. 1650–1651 годы	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Бертрис Смолл Околдованная

Bertrice Small
INTRIGUED

© Bertrice Small, 2001

© Перевод. Т. А. Перцева, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог. 3 сентября 1650 года

Джеймс Лесли, пятый граф и первый герцог Гленкирк, умирал на поле брани, сраженный шпагой в злосчастной битве при Данбаре¹. Повсюду, насколько хватало взора, лежали тела отважных воинов, преданных ему до конца. Шотландцев наголову разгромила армия вполонину меньше численностью. О, как проклинал Джеймс идиотскую самонадеянность, побудившую шотландцев покинуть выгодную позицию на холмах, окружавших данбарскую равнину, и стать лагерем прямо перед носом англичан! Приказ оказался фатальной ошибкой, ибо здесь негде было воздвигнуть укрепления, и это быстро поняла армия шотландских ковенантеров² короля Карла II. Из двадцати трех тысяч воинов, встретивших наступление дня, только девять тысяч увидели его конец, знаменовавший крушение надежд наследника династии Стюартов.

Среди немногих уцелевших был Рыжий Хью Мор-Лесли, капитан личной стражи герцогини Гленкирк. Увидев, как падает его господин, он помчался туда, перепрыгивая через раненых и умирающих, чтобы прижать к груди Джеймса Лесли.

– Мы вытащим вас отсюда, милорд, – пообещал он.

Джеймс Лесли слабо качнул головой и, прежде чем навеки закрыть глаза, прошептал одно-единственное слово:

– Жасмин...

Сыпля проклятия вперемежку с жалобами, не стесняясь лившихся по щекам слез, Рыжий Хью собрал уцелевших воинов Гленкирка. Из ста пятидесяти человек осталось тридцать шесть. Положив тело господина на седло верного боевого коня и собрав оставшихся без хозяев лошадей, люди Гленкирка поспешно отступили на северо-восток.

Солдаты Кромвеля отнюдь не славилась почтением к мертвым, равно как и к живым противникам, и Рыжий Хью лучше сдох бы сам, чем позволил осквернить и ограбить труп герцога. Джеймс Лесли будет похоронен в своей земле, как и все прежние владельцы Гленкирка, если не считать его отца.

К сожалению, большинство предков Лесли погибли в боях – битвах во имя Стюартов.

Капитан мрачно усмехнулся. В 1542-м при Солуэй-Мосс этот мир покинули второй граф и его наследник вместе с двумя сотнями мужчин и молодых парней из поместий Гленкирк, Ситеан и Грейхевн. Там же сложил голову и прапрадед самого Рыжего Хью. Однако дед, первый Рыжий Хью, остался цел и невредим и даже помог привести уцелевших домой. Теперь история повторялась омерзительно уродливым образом. Неужели так суждено небом?

Его госпожа герцогиня заранее знала, что больше не увидит своего любимого Джемми живым. Рыжий Хью Мор-Лесли видел смирение и скорбь в прекрасных глазах, когда она прощалась с мужем. Но герцог, этот порядочный благородный человек, прожил прекрасную жизнь. И семьдесят два года – срок немалый, рассудил Хью, погоняя коня.

Придется послать вестников в Ольстер, к младшим сыновьям герцога, в Англию, к остальным его детям, и даже в Новый Свет, к дочери. Все, разумеется, опечалятся, но самая младшая, Отем, будет безутешна. Этим летом она гостила в Англии и не смогла вернуться в Шотландию из-за начавшихся волнений. Что теперь с ней будет? Девочка была любимицей отца, ее баловали и лелеяли.

Что ж, это не его дело. Леди Отем Роуз Лесли отныне на попечении старшего брата, второго герцога, и своей матери, вдовствующей герцогини. Уж им лучше знать, что с ней делать.

¹ Разгром армией Кромвеля численно превосходящей шотландской армии под командованием Д. Лесли. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Странники ковенанта, соглашения английского парламента с шотландскими пуританами (XVII в.).

После нескольких бесконечно долгих и тяжких дней путешествия вдали показался замок Гленкирк. Рыжий Хью натянул поводья и долго всматривался в суровые каменные башни. Одна мысль не выходила из головы: Джеймс Лесли мертв, и прежняя жизнь уже никогда не вернется.

Хью тяжело вздохнул и, подняв большую, затянутую в перчатку лапищу, сделал своим людям знак двинуться вперед.

Личный волынщик герцога вышагивал впереди, выдувая пронзительно-щемящие ноты похоронной мелодии «Плач по Гленкирку», извещая обитателей замка, что Джеймс Лесли едет домой в последний раз. На подвесном мостике возникла гордая прямая фигура: это герцогиня стоически встречала скорбную процессию.

«Нет, ничто уже не будет прежним», – грустно вздохнул про себя Рыжий Хью.

Часть первая. Англия и Франция. 1650–1651 годы

Глава 1

– Ненавижу Кромвеля с его гнусными круглоголовыми³! – яростно выпалила Отем Лесли. – Это из-за него в Англии и Шотландии царит вечный траур! Ни радости, ни веселья, одна тоска!

– Отем! Черт побери! Сколько раз говорил тебе: придержи свой болтливый язык! – раздраженно откликнулся ее брат Чарлз Стюарт, герцог Ланди.

– О, Чарли, ну кто меня услышит, кроме слуг? – огрызнулась Отем.

– Далеко не всем слугам стоит доверять в наши дни, – немного мягче объяснил герцог. – Все переменилось. Это не Гленкирк, где люди беззаветно преданы твоему отцу и по его слову пойдут хоть к дьяволу в пасть. Когда-нибудь король вернется на трон, но до тех пор мы должны быть крайне осмотрительны. Вспомни, сестра, кем были мой отец и мой дядя, король Карл, упокой господи его душу. Вспомни, что хотя я и побочный сын, но все же Стюарт. Кромвель и его братия никогда не будут доверять мне, и не без оснований, но я обязан защитить свою семью, пока безумие не покинет нашу землю и мой кузен Карл II не займет своего законного места.

– Но что нам делать? – не унималась Отем. – Эти пуритане – ужасные люди, Чарлз. Такие зануды! То и дело издают мерзкие эдикты, запрещающие самые простые радости. Никаких танцев! Никакого майского праздника! Никаких игр в шары! Никакого Рождества! Ничего, что могло бы доставить человеку удовольствие или счастье! Боюсь, и в Шотландии творится то же самое. Зато, как только я вернусь в Гленкирк, все будет по-другому, особенно с наступлением зимы, когда все дороги заметет и никто не узнает, чем мы занимаемся. Папа не обращает внимания на ковенантеров и их мрачные проповеди. Когда, по-твоему, я смогу ехать домой?

– Не знаю, Отем, – покачал головой герцог. – Теперь, когда кузену Карлу удалось занять шотландский трон, битва между ним и Кромвелем неминуема. На севере теперь небезопасно. Вряд ли девушке пристало путешествовать при таких обстоятельствах. Разве тебе плохо с нами в Королевском Молверне?

– Здесь прекрасно, – горячо заверила Отем.

– В таком случае почему тебе не сидится на месте?

– Чарли! Мне вот-вот исполнится девятнадцать! – воскликнула Отем. – У меня нет ни нареченного, ни жениха – никого, кто хотя бы привлек мое внимание! Я такая же, как моя сестрица Фортейн, если не хуже! У той по крайней мере была возможность найти мужа, но какие шансы у меня посреди бесконечных распрей и стычек? Ни двора, ни хотя бы семейных торжеств! Неужели я так и умру старой девой?!

– Ну, до старости тебе далеко, – усмехнулся брат, поднося к губам ее руку. – Ты прелестна, сестричка, и в один прекрасный день явится волшебный рыцарь, покорит тебя с первого взгляда, украдет сердце и заставит ревновать отца и всех братьев!

– Мне бы хоть немного твоей уверенности, Чарли, – тяжело вздохнула Отем. – Бесс было шестнадцать, когда ты на ней женился, а Розамунд вышла замуж за нашего Генри в семнадцать. Я старею, Чарли. Почти девятнадцать. И ни одного поклонника нет и не предвидится. Ненавижу Кромвеля!

³ Прозвище пуритан.

Чарлз Фредерик Стюарт невольно рассмеялся. Его младшая сестричка так восхитительно театральна, хотя в том, что она говорит, есть зерно истины. В их нынешнем обществе вряд ли сыщется подходящая партия для дочери герцога! Да, немало мужчин предложат руку и сердце Отем из-за ее красоты и богатства и не посмотрят на возраст, но в их семье всегда позволяли дочерям выходить замуж по любви. Отем просто должна получить такие же шансы, как две ее старших сестры!

– Уж мама знает, что делать, – попытался успокоить сестру Чарлз.

– Если я когда-нибудь доберусь до Гленкирка, – мрачно буркнула та.

– Ходят слухи, что в Шотландии произошла схватка и армия парламента победила войско короля Карла. Но все это лишь домыслы, наверняка ничего не известно. Поеду я, пожалуй, в Вустер на этой неделе, может, что и узнаю, – решил герцог.

– Вустер? Ты едешь в Вустер? Когда?

В комнате появилась молодая герцогиня Ланди вместе с двумя своими детьми.

– Попробуй поискать нитки, Чарли. У нас не осталось ни одного мотка. Нечем чинить и штопать, не говоря уже о том, что Сабрине и ее братьям давно нужна новая одежда. Они из всего выросли. Спасибо твоей запасливой семье, у нас хоть материя есть! Но что можно сделать без ниток?

Бесс Стюарт, настоящая красавица, в светло-каштановых волосах которой играли золотистые отблески, а серо-голубые глаза светились теплым сиянием, покорила сердце Чарли Стюарта с первого взгляда. Младшей дочери графа Уэлка только что исполнилось шестнадцать, а Чарли в свои двадцать шесть считался первым повесой и распутником при английском дворе. Но когда янтарные глаза узрели милое личико Бесс Лайтбоди, его сердце было мгновенно покорено. Он начал ухаживать за ней самым серьезным образом.

Узнав об этом, граф Уэлк и его супруга пришли в ужас. Подумать страшно, что бастард покойного принца Генриха от прекрасной, но пользующейся не слишком хорошей славой Жасмин Лесли, бывшей, в свою очередь, отпрыском пресловутой семейки О'Малли, молодой человек, которого, невзирая на постыдное внебрачное происхождение, открыто принимали и любили не только король, но и вся его родня, ухаживает за их младшей дочерью!

Они немедленно отослали Бесс домой, в Дорсет, в полной уверенности, что покончили с ее глупым увлечением. Но при этом недооценили «противника».

Не прошло и недели, как в поместье прибыл посланец короля и объявил, что Бесс дали почетную должность фрейлины. Тогда граф Уэлк попытался защитить дочь от настойчивых знаков внимания и стал искать для дочери подходящего жениха из респектабельного семейства и по возможности с такими же религиозными и политическими убеждениями. Ему нужна была порядочная, скромная, благочестивая семья, где могли бы напомнить дочери о долге и обязанностях послушной и покорной жены.

Он снова не воспринял Чарлза всерьез. И снова прогадал.

Узнав от Бесс о намерениях графа, Чарли отправился за помощью к дяде, королю Карлу I. Поняв, какие чувства владеют племянником, король призвал к себе графа и графиню Уэлк.

– Мой племянник, герцог Ланди, сообщил, что желает жениться на вашей дочери Элизабет, – начал он, – и просил меня обратиться к вам. Хотя ваш род недостаточно знатен для члена семьи Стюартов, мы все-таки решили согласиться на такой брак, ибо нежно любим племянника. Кроме того, в отличие от остальных придворных он впервые просит нас о милости. Приведите дочь завтра в этот же час. Если она согласится, мы устроим свадьбу.

Король улыбнулся одной из своих самых благосклонных улыбок и знаком позволил графу и графине удалиться.

Те попятились с поклонами и реверансами, но, оказавшись за дверью, граф дал волю гневу и немедленно послал жену в покои королевы с наказом привести дочь в их скромный городской особняк, где намеревался поговорить с ней по душам. Мысленно он поклялся, что

Бесс не выйдет замуж за бастарда. Кроме того, его разгневало утверждение монарха, что кровь Лайтбоди менее голубая, чем у незаконнорожденного отпрыска королей.

Когда женщины наконец пришли, граф рассказал дочери об аудиенции.

– Ты никогда не пойдешь с ним к алтарю, Бесс! – воскликнул он. – Объявишь королю, что не желаешь выходить за его племянника. Тебе все ясно?

– Я не сделаю этого, милорд, – заупрямилась Бесс. – Мы с Чарлзом любим друг друга. Я с радостью стану женой королевского племянника и скажу об этом его величеству.

– Не смей! – завопил граф Уэлк.

– Посмею, – стояла на своем Бесс.

– Я изобью тебя до полусмерти, если посмеешь противиться мне, дочь моя! – взорвался граф.

– Тогда я покажу королю следы от кнута! – пригрозила она. – И не утаю, кто им орудовал!

Послышался стон. Графиня Уэлк, бледная как полотно, рухнула в кресло, прижимая руку к сердцу.

– Посмотри, что ты сделала с матерью! – укоризненно воскликнул граф.

– Она просто удивлена тем, что я говорю с вами так же прямо и откровенно, как мечтала сама все годы жизни с вами, милорд, – преспокойно заметила Бесс. – Пожалуйста, сэр, будьте справедливы. Чарли впервые сделал даме предложение. Он любит меня настолько, что отважился просить короля осуществить нашу мечту.

– Ты беременна? – рассерженно осведомился граф.

Графиня снова застонала и в отчаянии прикрыла глаза.

– Что? – потрясенно выпалила Бесс.

– Ты позволила вольности этому бастарду? – уточнил отец. – Легла с ним? Отвечай, девчонка!

– Ваш допрос не только возмутителен, но и оскорбителен, сэр, – спокойно ответила Бесс. – Я ничего не позволяла герцогу. И не опозорила себя развратным поведением. Как можно благородной девушке лечь в постель с мужчиной без благословения церкви? И как вы посмели даже предположить подобное, милорд?

– Я твой отец и имею полное право удостовериться, что ты чиста, особенно здесь, при дворе, где сплетни, даже насквозь лживые, могут погубить репутацию девушки. Я всего лишь пытаюсь уберечь тебя, Бесс. Ты мое младшее дитя.

– Благодарю за участие, милорд, – сухо бросила Бесс, – но теперь, с вашего разрешения, я должна вернуться во дворец. Королева позволила мне отлучиться на два часа, и я уже опаздываю.

Сделав реверанс, она поспешно удалилась.

Граф и графиня, не видя иного выхода, неохотно согласились с решением дочери. Чарлз Фредерик Стюарт и Элизабет Энн Лайтбоди были обвенчаны в королевской часовне замка Виндзор третьего мая 1639 года. После свадьбы они немедленно покинули двор и наезжали в столицу лишь изредка. Все остальное время счастливая чета проводила в Королевском Молверне, поместье Чарли. И ко всеобщему удивлению, жизнерадостный очаровательный Стюарт-с-левой-стороны-одеяла превратился в преданного и любящего мужа.

– Какого цвета нитки? – осведомился герцог.

– Какого найдешь, – отмахнулась жена. – Если можно, что-нибудь посветлее. Черных наверняка сколько угодно: эти пуритане вечно чинят свои мрачные одеяния, пока за штопкой не будет видно ткани. Но ты все-таки попробуй отыскать светлые тона.

– Можно мне с тобой в Вустер, папа? – попросился старший сын герцога Фредерик.

– С радостью побуду в твоей компании, Фредди, – кивнул отец.

– Когда? – допрашивал мальчик.

– Через несколько дней.

– Позволь и мне, – вмешалась Отем. – Умираю от скуки.

– Нет, – покачал головой Чарли. – Сама знаешь, на дорогах пошаливают.

– Я могу переодеться мальчиком, – настаивала девушка.

– Ни один человек в здравом уме не примет тебя за мальчика, – усмехнулся брат, покосившись на упругую грудь. – Разве можно скрыть такие сокровища, Отем? Природа щедро одарила тебя, как и нашу матушку.

– Не будь вульгарным, Чарли! – осадила она. – Что за пошлости!

Бесс весело хихикнула, но, тут же взяв себя в руки, пообещала:

– Ничего, сестрица, мы найдем чем заняться! Яблоки уже спели, и мы можем помочь делать сидр. Сабрина обожает это занятие!

– Твоей дочери всего девять, Бесс. Девятилетним девочкам все по нраву. Ну почему тупой парламент круглоголовых обезглавил короля Карла и объявил гнусную Английскую республику? Я хочу поехать ко двору, но какой двор без короля? Кровь Христова! Надеюсь, твой кузен, молодой король Карл, скоро вернется, чтобы править нами. Всем, кого я знаю, до смерти надоели и мастер Кромвель, и его приспешники. Они называют погибшего короля предателем, но, по-моему, те, кто лишает жизни законного монарха, и есть самые настоящие изменники!

– Отем! – умоляюще прошипел брат.

– Ах, да никто не слышит, Чарли, – беспечно заверила Отем.

Герцог устало покачал головой. Соглашаясь на визит сестры, он не предполагал, что от нее будет столько беспокойства. Чарли по-прежнему продолжал считать Отем ребенком, но через месяц ей уже исполнится девятнадцать. Почему, спрашивается, отчим и мать не нашли для нее подходящего жениха?

Тут Чарлз вспомнил, скольких трудов им стоило выдать замуж старших дочерей. Ну какого жениха для дочери герцога можно отыскать в глуши горной Шотландии? Отем следовало отвезти ко двору, но все эти годы в стране не утихала гражданская война, а потом дядю казнили. Теперь весь английский двор жил в ссылке – кто во Франции, кто в Голландии. Он не знал родительских планов в отношении Отем, но что-то нужно предпринять, ибо девушка совсем созрела – и далеко ли до беды!

В день отъезда в Вустер еще до рассвета прибыл гонец. На дворе стоял октябрь, дороги еще не замело, и гонцу стоило немалых трудов уклониться от вражеских разъездов. Но он был человеком осторожным и все-таки сумел пересечь шотландско-английскую границу, откуда легко добрался до Королевского Молверна. Мрачный, с угрюмым измученным лицом, он сообщил, что привез письмо для леди Отем.

– Йен Мор! Отец послал проводить меня домой? – обрадовалась Отем. – Как мама? До чего же хорошо вновь видеть кого-то из своих!

Гонец безмолвно и, как заметил Чарлз, со слезами на глазах вручил ей письмо.

– От вашей матери, миледи.

Отем поспешно сломала печать и, развернув пергамент, пробежала его глазами. Лицо ее все больше бледнело, и наконец она с тоскливым криком прижалась к брату. Письмо, выскользнув из рук, упало на ковер. Девушка, дрожа, залилась горькими слезами.

Гонец поднял послание и вручил герцогу, обнимавшему сестру за плечи. Чарли торопливо прочел ровные строчки. Лицо его исказилось печалью и гневом.

Отложив письмо, он глухо приказал:

– Ты останешься здесь, пока не отдохнешь как следует, Йен Мор. Или моя мать прислала тебя в Англию, чтобы оберегать Отем?

– Я вернусь, как только немного приду в себя, милорд. Простите, что принес столь грустные вести.

– Отведи лошадь в конюшню и приходи ужинать на кухню. Смайт найдет тебе место для ночлега, – кивнул герцог и принялся успокаивать безутешную сестру.

– Что случилось? – охнула вошедшая Бесс, поняв, что дела плохи.

– П-папа, папа м-мертв! – всхлипнула Отем. – О, пусть дьявол заберет Кромвеля с его войском!

И вырвавшись из объятий брата, бросилась куда глаза глядят.

– О, Чарли, мне так жаль! – покачала головой Бесс. – Может, мне пойти за ней?

– Не стоит. Отем считает слабостью плакать на людях, – пояснил Чарли. – Уж такой она была с детства. И сейчас наверняка хочет побыть одна.

– Но в чем дело? – допытывалась Бесс.

– Джеймс Лесли погиб при Данбаре, защищая моего кузена, короля Карла. В его годы не следовало идти в бой, особенно если вспомнить о том, что Стюарты вечно навлекают несчастья на Гленкирк, но ты знаешь, что отчим был человеком чести. И заплатил за свою преданность собственной жизнью. Мама пишет, что приедет в Англию до наступления зимы, чтобы поселиться в принадлежащем ей вдовьем доме в Кэдби, и просит, чтобы Отем оставалась с нами до ее приезда или переехала к Генри. Мой единокровный брат Патрик Лесли потрясен смертью отца и стесняется взять на себя обязанности главы дома. Мама считает, что он скорее привыкнет, если она покинет дом и ему не на кого будет опереться. И разумеется, права.

– Но как она пустится в дорогу в такое время? Сколько опасностей ее подстерегает! – встревожилась Бесс.

– Уверяю, она найдет выход, – хмыкнул муж. – Если мама чего-то пожелает, не многие посмеют стать у нее на пути. Сейчас главное – Отем. Она вполне способна разыскать Кромвеля и попытаться его убить. Нужно отвлечь ее от мыслей о немедленной мести.

– И как ты это сделаешь? – поинтересовалась супруга.

– Отем безумно любит родных. Я скажу, что любая глупость с ее стороны печально отразится на их участи. Не только на судьбах Лесли из Гленкирка, но и на моей, и на Индии с Окстоном, Саутвудов, кузенов в Клерфилде и Блекторне, бедной старенькой толстой двоюродной бабушки Уиллоу и ее выводка – словом, всех нас. Она удержит в узде свой гнев, даже если это ее убьет. За это я могу ручаться. До появления мамы мы продержимся, а потом... она знает, как поступить. Мать – умнейшая из женщин. Единственная, кто может держать в руках мою младшую сестрицу. Отец, упокой господи его душу, безумно любил ее и баловал, – со вздохом заключил герцог.

Несколько дней Отем не выходила из спальни, и горничная Лили носила ей подносы с едой, которые госпожа сначала отсылала назад. На третий день Отем начала есть, а к концу недели пришла в себя и даже на прощание поговорила с Йеном Мором, которому предстояло трудное путешествие домой в Гленкирк.

– Ты был при Данбаре? – спросила она, усадив шотландца перед камином в большом фамильном зале.

– Был, миледи, – глухо пробормотал он.

– Сколько ушло и сколько вернулось?

– Сто пятьдесят человек. Тридцать шесть добрались до дому, миледи. Да и то чудом, – признался гонец.

– Удача изменила отцу, – согласилась Отем.

– Стюарты всегда приносили нашему народу одни беды, миледи. И что хуже всего, новый король даже не похож на Стюартов. Темноволосый парень, но в душу может влезть не хуже любого Стюарта. Ваш отец последовал за ним, только повинувшись долгу. Достойным человеком был Джеймс Лесли.

Отем кивнула и вручила Йену запечатанный пакет.

– Отдай матери, когда вернешься. Я буду ждать ее в Королевском Молверне.

– Увидим ли мы вас в Гленкирке когда-нибудь, миледи? – озабоченно спросил он. Простое открытое лицо омрачилось.

Отем печально покачала головой:

– Не знаю, Йен Мор. Честное слово, не знаю. Во всяком случае, когда я покидала Гленкирк, мне и в голову не пришло, что больше я его не увижу. Но теперь, когда погиб папа... не знаю, что и будет.

– Новый герцог приглядит за вами, миледи, – твердо заявил Йен.

– Патрик? – рассмеялась Отем впервые с той минуты, как узнала о гибели отца. – Хорошо бы он за собой и за Гленкирком приглядел, Йен Мор. Смерть папы потрясла его своей внезапностью, но еще больше его ужасает необходимость взять на себя ответственность за Гленкирк и его жителей. У Патрика просто не хватит времени на меня. Мне лучше оставаться в Англии с Чарли и Генри. Лучше и спокойнее.

Легкая улыбка коснулась губ гонца. Леди Отем Лесли оказалась куда проницательнее, чем он предполагал. Впрочем, она из рода Лесли, где все женщины умны, находчивы и изобретательны. Очевидно, девочка становится взрослой. Что ж, давно пора.

Гонец поднялся и низко поклонился.

– Я передам послание вашей матушке, как только приеду, миледи. Что передать вашему брату?

– Я желаю ему удачи, счастья, и благослови его господь, – шепнула Отем. – И скажи, что я надеюсь на встречу.

Йен Мор почувствовал, как слезы жгут глаза. Будь прокляты сторонники ковенанта! Почему они не могут оставить все как есть, вместо того чтобы затевать свары и убивать молодую поросль Шотландии? Почему их дорогая герцогиня принуждена вместе с дочерью бежать из родного дома? Черт бы побрал и ковенантеров, и пуритан, а заодно и короля!

Он судорожно сглотнул и глухо пробормотал:

– Я передам ваши добрые слова герцогу Патрику. Берегите себя, миледи.

– А ты – себя, Йен Мор, – ответила Отем. – Господь пусть бережет тебя в дороге. Не рискуй понапрасну.

– Постараюсь, миледи, – пообещал тот, но оба знали, что он лжет. Йен Мор поступит так, как велят долг и обстоятельства, лишь бы поскорее вернуться в Гленкирк и отдать письмо.

Только в конце октября герцог Ланди вместе со старшим сыном отправились в город Вустер, до которого было чуть меньше дня езды.

– Вернемся к твоему дню рождения, да еще и с хорошим подарком, – пообещал он сестре.

– Больше я не стану праздновать дни рождения, – мрачно объявила Отем. – Пока не стану замужней женщиной. Но если хочешь привезти мне подарок, потому что нежно любишь, так и быть, приму. – Глаза ее весело заискрились.

– Ты получишь подарок, потому что я нежно тебя люблю, милая, – подтвердил Чарли, с радостью замечая, что Отем постепенно выходит из убежища скорби, куда забилась после смерти отца. Она никогда не забудет Джеймса Лесли, но жизнь продолжается. Оставалось надеяться, что к зиме приедет мать и поможет Отем излечиться окончательно. Чарлз Фредерик Стюарт с ужасом думал о том, как тяжело переживает мать кончину мужа. Она потеряла первых двух супругов, когда ей не было еще двадцати. Его собственный отец, принц Генрих Стюарт, любовник Жасмин, умер через два месяца после рождения сына. Она не хотела выходить замуж в третий раз, но Джемми Лесли не желал мириться с отказом. Они были женаты тридцать пять лет. Что теперь с ней будет?

Чарлз отправился в Вустер в сопровождении семилетнего сына и отряда воинов. Правда, местные жители отличались преданностью королю, но осторожность не помешала бы. Великолепные осенние пейзажи вокруг радовали глаз. С полей убрали хлеб, и сборщики колосков

низко склонялись над жнивьем. В садах сняли урожай яблок и груш. Коровы и овцы паслись на склонах холмов, покрытых поблекшей травкой.

Они добрались до города еще засветло и остановились в «Короне и олене», большой уютной гостинице, где хорошо знали герцога.

На следующее утро они отправились в собор у реки на церковную службу. Фредди удивленно озирает огромный алтарь, величественные своды и великолепные витражи. Много времени заняли поиски ниток, заказанных женой. Поручение оказалось куда сложнее, чем предполагал Чарли, но наконец в крохотной лавке мелочного торговца они нашли требуемое. Больше всего было, конечно, черных, но попадались и белые, и других цветов. Герцог Ланди скупил все что можно, с радостью заплатив за нитки втридорога. Кто знает, когда он снова попадет в город и останется ли у хозяина что-то в запасе?

Остаток дня он провел, показывая сыну красоты города. Маленький Фредерик Стюарт раньше не бывал в Вустере, да и вообще нигде, если не считать визитов к родственникам. Накормив сына плотным ужином, Чарли уложил мальчика в постель, а сам отправился к друзьям, что, собственно, и было истинной целью его приезда. Местные джентльмены при всякой возможности встречались, чтобы обменяться новостями и слухами о гражданской войне и последних эдиктах Кромвеля.

Мужчины уселись в дальней комнате, подальше от посторонних глаз и под надежной защитой хозяина гостиницы, ярого роялиста.

– Говорят, сражение при Данбаре обернулось настоящей бойней и король был побит армией в три раза меньшей, чем его собственная, – заметил лорд Хейли. – Как, черт возьми, это вышло? Ходят слухи, что король покинет Шотландию, чтобы отправиться в Голландию, ко двору своей сестры, или к матери в Париж.

– На первый вопрос, Хейли, отвечаю, что шотландцы оставили выгодную позицию на холмах и спустились на равнину. Несколько столетий назад, во время первой битвы при Данбаре, они уже проделывали такое, но, похоже, собственные ошибки их ничему не научили. Во второй раз они проиграли сражение по той же самой причине, – сообщил герцог Ланди.

– Откуда тебе известны такие подробности, Чарли? – удивился его друг лорд Морленд.

– Мать прислала гонца из Шотландии с известием, что отчим погиб при Данбаре. Сам посланец оказался одним из немногих уцелевших из всего отцовского полка. Когда Джемми Лесли погиб, его люди подобрали тело и покинули поле боя. Вы знаете, какая репутация у людей Кромвеля, которые не стесняются обыскивать и обирать мертвых. Воины Гленкирка не желали оставлять господина в их «нежных» руках. Взяли его тело, собрали коней и вернулись домой.

– Джемми Лесли мертв? Поверить не могу! – ахнул лорд Морленд.

– Упокой господи его душу, – заметил лорд Хейли, сверстник герцога Гленкирка. – Я еще помню, как он пытался ухаживать за вашей матерью и охотился с вашим дедом и дядьями. Хороший он был человек. Будь проклят Кромвель и его революция!

– Вы говорите совсем как моя сестра, – усмехнулся Чарли. – Она ругает Кромвеля и его мерзких круглоголовых.

– Надеюсь, не публично, – встревожился лорд Хейли.

– Я много раз предупреждал ее, чтобы придержала язык, – заверил герцог. – Хоть бы скорее приехала наша мать.

– Ваша мать приезжает из Шотландии? Кровь Христова! Она никогда сюда не доберется! Повсюду рыщут конники Кромвеля! Неужели не можете ее остановить? – возмутился лорд Хейли.

– Не могу, – просто ответил Чарли. – Уверяю, она путешествует под надежной защитой... Что же касается слухов о том, что кузен Карл бежит из Шотландии, не верьте. Карл еще даже не был коронован, так что он останется до тех пор, пока не произойдет знаменательное событие.

– Но люди Кромвеля удерживают Эдинбург, – напомнил лорд Морленд, осушив кружку с вином.

– Шотландские короли по традиции коронуются в Сконе, а там сейчас наши войска, – возразил Чарлз.

– Думаете, после коронации шотландцы поднимутся на защиту короля? – спросил лорд Плимтон.

– Не знаю, – тихо признался Чарлз, наполняя собственную кружку. – Шотландию веками раздирали религиозные распри. Не удивлюсь, если окажется, что они сыты по горло войной и желают всего лишь мира и покоя. Если это желание окажется сильнее их гордыни и верности монарху, значит, мы, англичане, должны поднять королевский стяг и сделать все, чтобы избавиться от круглоголовых.

К потолку поднимался табачный дым, голубоватые клубы висели в воздухе. Мужчины раскуривали трубку за трубкой, пили вино и октябрьский эль и продолжали негромко совещаться. Англичане устали от войны не меньше шотландцев. У кого хватит решимости и энергии свергнуть Кромвеля и его сторонников? Большинство дворян не доверяли Стюартам, шотландцам по происхождению, почти пятьдесят лет назад сменившим на троне старую королеву Бесс. Правда, Карла II, рожденного в Англии, любили и почитали. По общему мнению, он был первым истинно английским Стюартом. Если бы покойному принцу Генриху, старшему сыну короля Якова I, позволили жениться на прекрасной вдовствующей маркизе Уэстли, ныне Жасмин Лесли, королем стал бы тот самый Чарлз Фредерик Стюарт, что сидел сейчас среди них. Уж он не восстановил бы против себя парламент и пуритан, как это сделал его дядюшка Карл I, за что и лишился головы.

– Итак, – проворчал лорд Плимтон, – мы должны сидеть тут, беспомощные и бессильные, пока всем заправляет шайка простолюдинов, имевших наглость распустить палату лордов и убивших законного монарха. Пропади они пропадом!

Его собеседники дружно рассмеялись, хотя чувствовали себя такими же беспомощными, ибо были вынуждены дожидаться появления короля.

Внезапно дверь с треском распахнулась, и на пороге возник дородный задыхающийся лорд Биллингсли.

– Немедленно по домам все кто может, – пропыхтел он. – В округе бродит отряд круглоголовых! По слухам, ими командует сэр Саймон Бейтс, бессердечное чудовище, устроившее резню в Оксфордшире. Солдаты зверски расправились там с семьей сэра Джералда Крофта!

– Кто вам сказал, Биллингсли? – осведомился лорд Морленд, вскакивая.

– Я сам видел круглоголовых, когда подъезжал к городу, и поверьте, едва успел спрятаться в кусты, – честно признался тот. – Моей жене еще рано становиться вдовой, джентльмены.

– Думаю, она стала бы самой веселой вдовой во всей Англии, невзирая ни на каких пуритан, – прошептал лорд Морленд герцогу Ланди.

– Проклятие! – выругался Чарли. – Я не могу отправиться в Королевский Молверн раньше утра; ночь выдалась безлунная, и на дорогах не видно ни зги. А Бесс там одна, с Отем и детьми.

– Может, Биллингсли ошибся, – утешил друга лорд Морленд.

– Ни в коем случае! – возразил лорд Биллингсли. – Постарайтесь добраться до дома как можно скорее, герцог, хотя они, похоже, направлялись не в вашу сторону. В таких случаях всегда лучше находиться рядом со своей семьей.

– Мы выедем затемно, – решил Чарли.

– А ваш малыш? – встревожился лорд Морленд.

– Фредди будет со мной. Жену удар хватит, если я оставлю его здесь. Иисусе! Надеюсь, эти ублюдки не подойдут к Королевскому Молверну. Моя сестра не сможет сдержаться, осо-

бенно теперь, когда отец погиб от рук Кромвеля. Смилуйся Боже над всеми нами! Встретимся, когда представится возможность, хотя одному небу известно, скоро ли это случится.

Верный своему слову, герцог покинул гостиницу еще до восхода солнца вместе с сыном и своими людьми. Приблизительно в то же время пастух, выгнавший коров на луг Королевского Молверна, увидел вдалеке отряд, скачущий к поместью, и помчался со всех ног к дому, громким криком предупреждая об опасности.

– Круглоголовые! Круглоголовые! Круглоголовые идут!

Он пересек огород и ворвался на кухню. Судомойка побежала наверх, чтобы разбудить домочадцев. Нянюшки уже подняли Сабрину и малыша Уилли и стали их поспешно одевать.

– Уведите детей в сад и спрячьтесь, – велела Бесс.

– Нет, мама! – заупрямилась Сабрина. – Я с тобой!

– Ты пойдешь в сад с Мейвис и Кларой, – приказала герцогиня и поспешила к золовке.

– Что случилось? – спросила Отем, появляясь на пороге комнаты.

– Круглоголовые, – коротко пояснила Бесс.

– В Вустере?

– Время от времени они высылают отряды, чтобы запугивать преданных королю людей, – ответила невестка. – Может, тебе лучше идти с детьми?

– Нет, я останусь с тобой, Бесс. Как насчет ценностей?

– Давным-давно зарыты в розарии, – усмехнулась Бесс. – Они, вероятно, все равно украдут остальное, ну и пусть! Не собираюсь рисковать ни одним волоском наших людей из-за каких-то вещей.

Молодые женщины спустились вниз как раз в тот момент, когда раздался громовой стук в дверь. Мажордом Смайт немедленно отодвинул засов и впустил круглоголовых.

– Что-то не слишком ты торопился! – рявкнул солдат, вталкивая Смайта в переднюю. Не успел несчастный опомниться, как ствол мушкета с нечеловеческой силой врезался ему в лоб.

Герцогиня Ланди вскрикнула от ужаса при виде верного слуги, рухнувшего на пол. На паркете мгновенно образовалась багровая лужа.

– Что вы сделали? – вскрикнула она, бросаясь вперед. – Он не хотел вам зла! Кто ваш командир? Я пожалею ему на столь бессмысленную жестокость!

Вместо ответа негодяй поднял оружие и выстрелил. На груди Бесс расплылось алое пятно. Не издав ни звука, она упала. Отем, стоявшая в тени под лестницей, оцепенела, инстинктивно понимая, что молчание – единственный способ уцелеть. Горничная Лили, стоявшая к ней вплотную, тряслась от страха. Солдат встал на колени над телом Бесс и принялся срывать кольца с ее пальцев. В переднюю шагнул второй, высокий, с холодными глазами, одетый с изысканной простотой.

– Что там, Уоткинс? – безразличным тоном поинтересовался он.

– Законная добыча, сэр. Это позволено, – ответил тот, подняв голову.

Отем выступила вперед.

– Вы здесь старший по званию? – надменно осведомилась она.

Джентльмен с поклоном снял шляпу.

– Совершенно верно, мадам.

– Этот человек хладнокровно убил двоих! – закричала Отем, выхватывая из рук солдата кольца Бесс. – Немедленно отдай, гнусный вор! Сэр, этот зверь застрелил герцогиню Ланди, когда она заступилась за ни в чем не повинного слугу. Смайт всего лишь отворил дверь, а этот негодяй ворвался в переднюю и убил его! Как вы смеете позволять своим людям вламываться в мирные дома и учинять разбой!

Она дрожащими руками сунула в карман кольца невестки.

– Позвольте узнать ваше имя, мадам, – сухо поинтересовался джентльмен.

– Леди Отем Лесли, дочь герцога Гленкирка, сестра герцога Ланди, хозяина этого дома. Значит, лорд-протектор так называемой республики попустительствует вам настолько, что разрешает вламываться в дома честных граждан, грабить и убивать? И почему, спрашивается, вы не способны управлять действиями своих подчиненных? – обрушилась на него Отем.

– Сэр Саймон Бейтс, к вашим услугам, – представился командир, окидывая взглядом девушку. В эту минуту она была неотразима. Темные волосы разметались по стеганому темно-красному атласу ее халата.

– И что вы собираетесь предпринять относительно этого животного? – допытывалась Отем.

– Заверяю, мадам, он будет наказан.

– Око за око, – мрачно объявила Отем. – Я желаю казнить его немедленно! Дайте ваш пистолет, сэр, и я сама свершу правосудие.

– Неужели? – усмехнулся неожиданно развеселившийся сэр Саймон. Девушка, разумеется, расстроена. Вряд ли она застрелит Уоткинса, но он все же отдал пистолет, чтобы потрафить прекрасной мстительнице. Весьма сомнительно, что она умеет управляться с оружием!

Но тут, к его величайшему изумлению, Отем взвела курок и, ткнув дулом между глаз солдата, выстрелила.

– Боже! – потрясенно прошептал сэр Бейтс, принимая протянутый пистолет.

Тело Уоткинса с глухим стуком свалилось на пол.

– Думали, я не осмелюсь? – спокойно бросила Отем.

– Кто научил вас стрелять? – с трудом выговорил сэр Саймон.

– Мой отец, убитый вашими людьми при Данбаре, – холодно объяснила Отем. – Наме- рены арестовать меня? Впрочем, какое это имеет значение!

– Следовало бы, – медленно выговорил сэр Саймон. – Но я не сделаю этого, мадам. Как верно изволили заметить, око за око. Да и кто такой Уоткинс? Жалкое создание, которое все равно убили бы раньше или позже. Кроме того, я сам дал вам в руки оружие и, хотя не верил, что вы в самом деле способны пристрелить эту падаль, все же должен нести часть ответственности за казнь.

– Уберите его из этого дома, – твердо потребовала Отем. – Не позволю, чтобы его похоронили в одной земле с бедной Бесс. Велите вырыть могилу у большой дороги. Этот мерзавец осиротил хорошего человека и троих детей, сэр. Берите его и проваливайте поскорее!

Отем ощущала, как дрожат и подкашиваются колени, но только выше вздергивала подбородок. Эти круглоголовые и их предводитель не увидят ее слез!

– Где столовое серебро? – резко спросил сэр Саймон.

– Откуда мне знать? – рассердилась девушка. – Я всего лишь гостя в этом доме, сэр. Моя невестка хотела отдать вам все, что пожелаете. Сказала, что ничья жизнь не стоит жалких вещей. Однако вы успели отправить на тот свет невинных людей, а теперь еще и намереваетесь грабить мертвых! – Она презрительно пожала плечами. – Берите все, что сможете унести, сэр. Я не собираюсь мешать. Недаром говорят, что с ворами не толкуешься.

– Мадам, ваш язык острее шпаги, – пробормотал Бейтс.

Отем холодно воззрилась на него, и пуританин с изумлением увидел, что один ее глаз был цвета молодой листвы, а другой – бирюзово-голубой. Зачарованно вглядываясь в нее, он вдруг пожалел, что они не встретились в другое время и в другом месте.

– Я оставлю этот дом с миром, мадам, – вежливо поклонился он, – но должен взять скот, чтобы накормить своих людей.

В переднюю влетел Бекет, помощник несчастного Смайта.

– Они подожгли восточное крыло, миледи!.. – завопил он, но тут же осекся при виде мертвых. – О господи... Миледи?!

– Немедленно дай людям ведра, и сделайте все, чтобы спасти дом, – коротко приказала Отем и повернулась к сэру Саймону: – Я уже сказала: берите все, что захотите, только убирайтесь! Вы уже натворили столько бед, что хватило бы на целую жизнь! Боюсь, ваша собственная жизнь не будет стоить и гроша, если вернется брат и увидит, что его жена мертва, а дом в руинах!

– Ваш брат, кажется, Стюарт, не так ли? – спросил сэр Саймон.

Отем кивнула.

– В таком случае я не считаю себя виноватым в том, что случилось сегодня, леди Отем. Вы, шотландцы, и ваши Стюарты были язвой на теле Англии еще с тех пор, как захватили трон старой Бесс. Мне ничуть не стыдно, что еще одна из Стюартов отправилась в ад.

Не успел он договорить, как Отем размахнулась и отвесила ему звонкую оплеуху. Багровое пятно выступило на красивом лице сэра Саймона Бейтса.

– Моя невестка, сэр, родилась англичанкой, как и мой брат, кто бы ни был ее отцом. Чарлз появился на свет в этом доме. Бесс – младшая дочь графа Уэлка, такого же пуританина, как и вы. Будьте уверены, я напишу графу, как погибло его невинное дитя от рук круглоголовых, сэр Саймон. Вы думаете испугать нас своими набегами, но все, чего добились, – это укрепили нас в решимости восстановить монархию. Боже, храни короля!

– Вы еще не оправились от потрясения, мадам, иначе я сам бы заколол вас за измену, – ответил он, потирая горящую щеку. – Но другие не будут так снисходительны.

– Будь у меня оружие, я прикончила бы вас как подлого изменника родины, – ответила в тон ему Отем.

Сэр Саймон против воли рассмеялся. Что за очаровательная дикая кошечка! Можно лишь позавидовать тому, кто лишит ее невинности. Жаль, что не ему суждено быть этим счастливым!

– Прощайте, мадам, – бросил он, кланяясь и надевая шляпу. Потом нагнулся, взвалил тело Уоткинса на широкие плечи и вышел.

Отем так и не смогла сдвинуться с места, провожая взглядом удалявшийся отряд круглоголовых, гнавших перед собой скот. Кур, индеек, уток и негодующе гогочущих гусей они связывали и вешали на седла.

Наконец ее взгляд упал на восточное крыло, где слуги отважно пытались спасти дом от пожара.

– Отем, что случилось? – ахнула ее племянница Сабрина, неожиданно появляясь рядом. – Мама! О, мама!..

Девочка разразилась громкими рыданиями при виде неподвижного тела матери.

– Она мертва, Бри, – прерывисто вздохнула Отем и зарыдала, обнимая плачущую племянницу.

Тут и нашел их Чарлз Фредерик Стюарт, когда час спустя ворвался в дом.

Глава 2

Бесс! Его прелестная голубоглазая Бесс лежала на темном паркете передней. Пятно на груди успело подсохнуть и казалось черным. В широко открытых глазах застыло удивление. Сердце Чарлза словно раздавила огромная безжалостная длань. Раздавила и выбросила. Место горячего живого комочка заняла безбрежная ледяная пустота. Вечная.

Он непонимающе взглянул на мертвого Смайта. Сестра и дочь горько всхлипывали поодаль. Старший сын застыл рядом. Маленькая рука сжимала пальцы отца.

– Что здесь произошло? – с трудом выдавил Чарлз. Язык едва ворочался. Ему хотелось завопить, выплеснуть ярость, завывать, подняв голову, обличить небеса в ужасной несправедливости. В мозгу эхом отдавалось ее имя.

Бесс! Бесс! Бесс!!!

Отем подняла опухшие красные глаза.

– Круглоголовые, – обронила она единственное слово и тут же упала без чувств рядом с ошеломленной племянницей.

Граф Ланди поднял дочь, холодную, замерзшую, почти обезумевшую. В передней стали собираться слуги. Многие плакали. Слава богу, хозяин жив и вернулся из Вустера!

Бекет взмахом руки позвал няню Сабрины Мейвис и отдал ей ребенка.

– Возьми леди Сабрину, отнеси в спальню и позаботься о ней, – спокойно велел он. – Вы двое! – Он ткнул пальцем в сторону молодых лакеев. – Унесите Смайта и приготовьте к погребению. Лили! Не стой раскрыв рот! Пригляди за хозяйкой. Сэмюел! Питер! Унесите леди Отем в ее покои. Клара, заведи мастера Фредерика наверх! Милорд, если соизволите пойти со мной, я расскажу, как все вышло. Где служанка герцогини? Сибил, останься с госпожой, пока хозяин не решит, как следует поступить. Остальные – немедленно за дело! Или у вас нет своих обязанностей?

Герцог последовал за Бекетом в тихую библиотеку. Слуга щедро налил виски с привкусом дымка и сунул кубок в руки хозяина.

– Простите мою дерзость, милорд, но поскольку Смайт умер, я, как его помощник, чувствовал себя обязанным навести здесь хоть какой-то порядок. Теперь я к вашим услугам и расскажу то небольшое, что знаю. На рассвете пастух заметил отряд круглоголовых, направлявшийся к Королевскому Молверну, и поднял тревогу. Ее светлость приказала служанкам спрятать детей в саду, и я пошел приглядеть за ними. Вернувшись, я увидел, что злодеи подожгли восточное крыло, когда убедились, что там нет ничего ценного. Я побежал в дом, чтобы известить ее светлость, но она уже была мертва. Леди Отем приказала взять ведра и тушить пожар. Боюсь, больше я ничего не могу поведать.

– Моя дочь видела, как убили мать? – спросил герцог.

– Когда я появился там, ее не было, милорд. Зато рядом валялся труп круглоголового. Лежал на спине, а между глаз темнела дыра. Капитан, судя по виду, настоящий джентльмен, милорд, – прибавил Бекет, наливая виски в уже опустевший кубок.

– Значит, моя сестра единственная, кто может рассказать нам о случившемся, – медленно выговорил герцог. – Твоя преданность будет оценена по достоинству, Бекет, и ты, разумеется, немедленно займешь место Смайта. Прикажи женщинам одеть мою жену в подвенечное платье, и выройте могилу на фамильном кладбище. Завтра мы ее похороним. Извести меня, когда сестра очнется и сможет поговорить со мной.

– Как угодно, милорд, – кивнул Бекет, удаляясь.

Оставшись один, Чарлз Фредерик Стюарт спрятал лицо в ладонях и горько заплакал. Как такое могло стрястись? Графство Вустершир славилось роялистскими настроениями и было поистине островком безопасности, где всякий мог найти защиту от Кромвеля и его крово-

жадных пуритан. Очевидно, всему приходит конец. А этот идиот Биллингсли утверждал, что круглоголовые ехали в противоположном направлении! Бесс! Милая Бесс навсегда покинула его! Никогда он не услышит ее голоса! Не ляжет с ней в постель! Никогда не ласкать ему эти округлые грудки, которые всегда твердели и набухали в ответной страсти. Бесс мертва! Унесена жестокими распрями, погубившими дядю и послужившими причиной ссылки родных.

Он старался не принимать ничью сторону, как советовала мать, как поступал брат, Генри Линдли. Родственники короля да и сам монарх любили его и обращались с исключительной добротой с самого рождения. И все же ради своей семьи Чарлз ничего не предпринимал. Но теперь у него не осталось выбора. Убив его жену, круглоголовые вынудили Чарлза действовать. Да будет так! Хотя... не важно, скольких он убьет – а он будет убивать, – его милую прелестную жену не вернуть. Бесс ушла безвозвратно.

На следующий день он стоял на кладбище под проливным дождем. Рядом теснились дети. Но сестра так и не очнулась, хотя несколько раз шевелилась и открывала глаза. Сабрина и Фредерик плакали. Малыш Уильям не понял, что случилось. Он не запомнит мать, разве что по рассказам домашних...

Герцог нашел скорбное утешение в том, что Бесс похоронили рядом с прародителями: Адамом де Мариско и Скай О'Малли. Он знал, что они позаботятся о ней.

Отем Лесли пришла в себя на следующий день после похорон невестки. Чарли пришел к ней в комнату и, сев на край постели, взял сестру за руку.

– Ты помнишь, как все было, девочка?

Отем кивнула и начала рассказ.

– По словам Бекета, солдат был застрелен, – мягко допытывался Чарли. – Это капитан его казнил?

– Нет. Я.

– Ты? – ахнул герцог, не веря собственным ушам. Сколько пришлось вынести сестре!

– Я заявила, что желаю отомстить за смерть Смайта и Бесс, – пояснила Отем. – Сэр Саймон посмеялся надо мной, но все же вручил свой пистолет. Он не думал, что я отважусь на такое, Чарли! Считал меня глупой девчонкой, слегка помешавшейся от ужасного зрелища, но я взяла оружие и прикончила негодяя, лишившего жизни Бесс и Смайта! Сэр Саймон взял на себя ответственность за гибель солдата; как он сказал, эта жалкая тварь все равно погибла бы рано или поздно. Уж очень сэр Саймон удивился. Я предложила арестовать меня, но он забрал тело солдата и ушел. Тут вбежала Сабрина и увидела тело матери. О, Чарли! Ненавижу эту проклятую республику, пуритан и гнусного Кромвеля! Ненавижу!

Чарлз глубоко вздохнул.

– Вчера мы похоронили Бесс.

– Сколько же я была без сознания? – прошептала Отем.

– Три дня.

– Господи! – ахнула девушка.

– Как только ты поправишься, я отвезу тебя в Кэдби. Надеюсь, мама к тому времени уже будет там. Детей я оставлю в Гленкирке, у Патрика.

– Чарли! Что ты задумал?

– Пойду сражаться за своего короля, – ответил брат. – Присоединюсь к кузену Карлу, сестричка, тем более что он сейчас в Шотландии.

Отем разделяла чувства брата.

– Ты прав. Но что будет с Королевским Молверном?

– Закрою дом и оставлю нескольких слуг приглядывать за комнатами. Заплачу им за два года, и, когда все кончится, места останутся за ними. Здесь им ничего не грозит, тем более если я уеду. Похоже, круглоголовые перешли в наступление, но скоро обнаружат, что сделали большую ошибку, сделав меня своим врагом.

– Маме вряд ли понравится такое решение, – мягко заметила Отем.

– Знаю, – вздохнул Чарли, – но не могу оставить неотмщенной смерть моей жены. И не стану стоять и смотреть, как предатели рвут мою страну на части. Кромвель и его сообщники не многим лучше знати. Мой дядя был хорошим человеком, но плохим королем. Его фавориты так же злоупотребляли властью, как и те, кто сейчас правит Англией. Но нынешние правители убили помазанника Божьего и преследуют сторонников доброй англиканской церкви. И сейчас для меня яснее ясного, что их следует остановить!

– Я полностью согласна с тобой, брат, но ты знаешь, что скажет мама. Особенно теперь, когда отец погиб, защищая Стюартов.

– Я пошлю гонца в Кэдби с известием о твоём приезде, – пообещал герцог. – Остальное скажу с глазу на глаз Генри и его родным. Письму такое доверять нельзя, хотя следует сообщить о смерти Бесс её родителям. Хотя Уэлк и его жена открыто перешли на сторону пуритан, но все же Бесс их дочь.

– Не говори им, что намереваешься делать с детьми, – посоветовала Отем. – Они захотят их заполучить, но этого нельзя допустить, иначе они превратят Бри, Фредди и Уилли в угрюмых, мрачных псалмопевцев, презирающих веселье и радость.

– Верно, – кивнул герцог. – Я лишь скажу правду о том, как Бесс убил круглоголовый, когда та пыталась защитить своего слугу. Этого вполне достаточно.

На следующий день герцог отправил в Дорсет лакея с известием о кончине Бесс. Посланцу разрешили не торопиться и дожидаться ответа графа. После отъезда герцога Бекет снова напишет письмо и объяснит, что герцог вместе с детьми отправились путешествовать и не сказали, когда вернутся.

Сам Чарли знал, что мать с братом поймут его и не выдадут местонахождения детей Джонатану Лайтбоди.

Спустя сутки после того, как лакей выехал в Дорсет, герцог Ланди с сестрой, детьми и несколькими слугами покинули Королевский Молверн. Оглядываясь на прекрасный дом с уютными плющом кирпичными стенами, взрослые гадали, увидят ли его еще когда-нибудь. Чтобы никто ничего не узнал, остальные слуги останутся здесь до декабря, а потом, получив жалованье за два года и заверения, что по возвращении герцога места останутся за ними, разойдутся кто куда.

– Восточное крыло почти не пострадало, – тихо заметила Отем.

Герцог осмотрел почерневшие кирпичи и разбитые стекла.

– Прислуга спасла почти все картины, – глухо откликнулся он и пустился в путь к поместью брата.

Кэдби, дом маркиза Уэсли, красивое кирпичное здание, стоял на берегу реки Эйвон. Зеленые лужайки подходили к самой воде. Генри Линдли тепло приветствовал брата и обнял сестру, громко восхищаясь ее красотой.

– Придется найти тебе хорошего мужа, – поддразнил он.

– Где? – взвилась Отем. – Разумеется, не в Англии. И не в наши дни, если только ты не хочешь выдать меня за узколобого пуританина!

– Господь не допустит! – воскликнул старший брат.

– Мама уже приехала? – спросил Чарли.

– Два дня назад и уже обосновалась во вдовьем доме, – сообщил Генри. – Кровь Христова, Чарли, до чего же она несчастна! А я-то ликовал, узнав о твоём прибытии. Может, твоё присутствие и личико Отем развеселят маму! – Но тут он оглянулся и встревоженно спросил: – А где Бесс?

– Поэтому мы тут, – вздохнул герцог. – Фредди и я были в Вустере. А в это время круглоголовые под командованием сэра Саймона Бейтса вломились в Королевский Молверн. Бесс и мажордом Смайт были бесчеловечно убиты. Отем застрелила того, кто это сделал.

Он подробно рассказал Генри о том ужасном дне.

– А Сабрина и Уильям?

– Слава богу, ничего не видели. Я увезу всех детей к Патрику, а потом пойду воевать за короля, – спокойно сообщил Чарли.

– Понимаю, – кивнул Генри. – У тебя действительно нет выбора. Ах, Чарли, мне так жаль!

– Чего тебе жаль?

Жасмин Лесли вплыла в комнату, и дочь со слезами бросилась в ее объятия.

– Мама, мамочка...

– Что, что, родная? – допытывалась Жасмин, обнимая свое дитя и тут же отстраняясь, чтобы взглянуть в лицо дочери. Вдовствующая герцогиня Гленкирк в шестьдесят лет казалась такой же красавицей, как в сорок, только в глазах стыла тоска.

– Пойдемте в зал, – пригласил Генри, – и Чарли все тебе расскажет, мама.

Он приказал слугам отвести ребятишек в детскую и принести взрослым вина и печенья. Его жены не было дома: она навещала больных арендаторов. Но едва родственники уселись в парадном зале, появилась улыбающаяся Розамунд Уиндем Линдли и, поздоровавшись, приказала служанкам принести закуску и прохладительного.

Розамунд была второй женой Генри и матерью его детей. Первая жена маркиза, его престелная кузина Сесили Берк, погибла через полгода после свадьбы, упав с коня. Ограда оказалась чересчур высока, и животное сбросило наездницу. Сесили сломала шею и умерла на месте. Генри, потрясенный смертью любимой жены, затворился в Кэдби, отказавшись видеть всех, кроме Чарли и своей старшей сестры Индии.

Два года спустя маркиза Уэтли пригласили на свадьбу старшего сына графа Лэнгфорда. Чарли настоял, чтобы брат сопровождал его.

– Нельзя же скорбеть вечно, – решительно заявил он. – Мама бы так не поступила.

Генри Линдли согласился и никогда не пожалел об этом. Там, в Риверс-Эдж, он встретил любовь всей своей жизни. Розамунд Уиндем не было еще шестнадцати, и она вовсе не собиралась замуж, но маркиз Уэтли знал, чего добивается. Господь упокой его милую Сесили, но теперь он наконец готов идти дальше.

Он ухаживал за девушкой, пуская в ход все средства: врожденное обаяние, юмор, напор. Розамунд не смогла устоять. Они поженились вскоре после того, как ей исполнилось семнадцать лет. И с тех пор Розамунд правила его домом и его сердцем.

Они едва успели рассесться вокруг огня, как вдовствующая герцогиня спросила:

– А где Бесс?

– Мертва, – коротко ответил Чарли и повторил всю историю с самого начала.

Выслушав сына, Жасмин потрясенно уставилась на Отем.

– Ты застрелила солдата круглоголовых? – протянула она.

Отем кивнула.

– Кровь Христова! – воскликнула герцогиня. – Помню, как моя бабка сделала то же самое, чтобы спасти меня и моих детей. Какой отважный поступок! Я горжусь тобой!

– Но, мама, неужели ты оправдываешь убийство? – запротестовал маркиз Уэтли, пораженный поступком сестры. Брат не открыл ему всей правды, когда рассказывал о случившемся.

– Этот человек был отребьем и лишил жизни Бесс и верного слугу, – резко возразила герцогиня. – Отем защищала и себя, ибо кто знает, на что решился бы сэр Бейтс! Он взял на себя ответственность за гибель солдата, и это доказывает одно: моя дочь показала негодяю, что она сильна и храбра и не даст себя в обиду!

– Сэр Саймон Бейтс известен как человек жестокий и безжалостный. Что, если он отомстит Отем и всей нашей семье за смерть убийцы? – встревожился Генри.

– Каким это образом? – вмешалась Отем. – Кроме солдата, сэра Саймона и меня, в передней никого не было. Какие доказательства может он предъявить? Я всего лишь невин-

ная девушка, неспособная на столь ужасные вещи. Если мы когда-нибудь снова увидим сэра Саймона, он может обвинить меня в преступлении лишь затем, чтобы выжать из нас деньги, поскольку всем известно о богатстве нашей семьи. А может, попытается принудить меня к браку с ним. Состоятельная жена из влиятельной фамилии обеспечит будущее сэра Саймона, когда король вернется на трон. Особенно супруга, чей брат – кузен самого монарха.

Отем мило улыбнулась пораженным родственникам, но мать громко рассмеялась.

– А ты неглупа, дитя мое, – заметила она и обратилась к Генри: – Ты вечно беспокоишься попусту, дорогой. Отем абсолютно права. Нет никаких доказательств, что именно она убила солдата. И ни одного свидетеля. Скорее всего Бейтс еще не опомнился от потрясения. Подумать только: молодая девушка оказалась столь храброй! Невероятно! Вспомни: он сам дал ей оружие и разрешил разделаться с убийцей Бесс. Заверяю, он будет молчать. Ну а ты, Чарли? Что задумал?

– Я закрыл Королевский Молверн и везу детей в Гленкирк. Буду сражаться за короля, мама.

Он стоял перед камином, слегка расставив ноги и воинственно упершись кулаками в бедра.

Жасмин глубоко вздохнула:

– Разумеется, Чарли. Ты сын Генриха Стюарта и вполне мог бы стать королем Англии. Конечно, все эти годы ты старался оставаться в стороне, но так больше не может продолжаться. Приспешники Кромвеля толкнули тебя на это! Я понимаю, сын мой. Не могу сказать, чтобы меня радовал такой поворот событий. Больше тебе нечего делать. Но почему ты берешь детей в Шотландию?

– Потому что их пребывание здесь грозит бедами Генри и его семье. Люди Кромвеля не задумаются использовать детей как заложников. Не забудь о бедной принцессе Элизабет, заключенной в замке Кэрисбрук. Она умерла, потому что эти богобоязненные пуритане не потрудились позаботиться о несчастной девочке. Нет, в Гленкирке до детей не доберутся.

– А когда их дед с бабушкой явятся сюда, а они обязательно явятся, – вставил Генри, – что им сказать, черт побери?

– Солжешь, дорогой, – наставляла мать, – и скажешь, что понятия не имеешь, где твои племянники. Признаешься, что Чарли был здесь, но отказался объяснить, куда едет, из страха подвергнуть опасности твою семью. У графа Уэлка нет ни богатства, ни связей, чтобы пускаться в розыски и добиваться возвращения детей. Здравый смысл подскажет ему, что внуки в безопасности. Он будет рвать и метать, но ничего не сможет сделать. Ему останется лишь признать, что после смерти дочери дети останутся с отцом, пока все не уладится.

– Если он приедет, будешь сама с ним разговаривать, мама, – мрачно заметил Генри, – поскольку я не умею врать.

Жасмин снова усмехнулась:

– Совсем как твой отец. Но я ничем не смогу тебе помочь, ибо к тому времени меня, вероятнее всего, тут не будет.

– Что? – воскликнули в один голос герцог и маркиз.

– Англия потеряла всю привлекательность для меня, дорогие мои. Но я не исполню свой материнский долг, не выдав Отем замуж за порядочного человека. Здесь мы не найдем подходящего жениха, но, может, во Франции или Голландии все будет по-другому. Не спорьте со мной, мальчики! Вчера вашей сестре исполнилось девятнадцать, и первый цвет юности уже облетел. Конечно, при такой красоте и богатстве недостатка в поклонниках не будет, но еще немного – и она будет считаться старой девой, а тогда сделать блестящую партию будет куда труднее, – объяснила вдовствующая герцогиня.

– Мы едем за границу? – обрадовалась Отем. – О, мама! Недаром Чарли твердил, что ты знаешь, как поступить, и найдешь ответы на все трудные вопросы!

Она крепко обняла мать.

– Итак, – произнесла Жасмин Лесли, – ты уже обсуждал сложившуюся ситуацию со своей сестрой, Чарли?

– Скорее, мама, это она стонала и рыдала, что стареет с каждым часом и никто о ней не заботится.

– Я уже говорила, – перебила Отем, – что не стану праздновать дни рождения, пока не выйду замуж.

Родные дружно расхохотались, но Отем стояла на своем.

– Когда ты уезжаешь, мама? – спросил Генри.

– Через неделю-другую, когда мои слуги отдохнут после нашего побега из Шотландии, – ответила герцогиня. – Поездка выдалась нелегкой. Нас то и дело останавливали люди Кромвеля и обыскивали экипаж. Кроме того, мы уже немолоды. – Встав с кресла, она позвала дочь: – Пойдем, Отем. Ты совсем измучена и должна полежать перед ужином.

Мать и дочь вышли из зала.

– Когда слуги отдохнут, – повторил Генри. – Несколько дней назад она едва стояла на ногах. Патрик послал с ней отряд солдат, и правильно сделал. Им удалось объехать Эдинбург стороной. Но на границе случилась стычка с круглоголовыми. Ее карету они не догнали, но битва была жаркой. Кучер получил мушкетную пулю в плечо, но, не дрогнув, продолжал путь. Фергюса Мор-Лесли нелегко сломить! Крепкий парень! – Маркиз восхищенно улыбнулся. – А Адали! Боже мой, Чарли, ему почти восемьдесят, но он забрал поводья у Фергюса, чтобы тот смог перевязать рану, и провел экипаж между сражающимися в самый разгар схватки. Подумай, какие замечательные старики! И готовы оставить теплый очаг и уютный дом ради нового приключения.

– Недаром говорят, что мама похожа на бабушку больше всех ее детей и внуков, – согласился Чарли. – Кстати, люди из Гленкирка все еще здесь?

– Пока да.

– Прекрасно! Они проводят меня и детей в Шотландию. Мы возьмем для малышей и их служанки мамин дорожный дормез. Я привез с собой Бидди. Пришлось оставить Клару и Мейвис в Королевском Молверне. Кто знает, сколько детям придется пробыть в Гленкирке! Я не мог брать с собой лишних людей при подобных обстоятельствах и обременять себя целым хозяйством, – шепнул Чарли.

– А эта Бидди может держаться в седле? – поинтересовался маркиз.

– Да. А что?

– Не бери карету, Чарли. Ты скорее доберешься до места. Карета только задержит тебя и привлечет излишнее внимание круглоголовых. Кто-нибудь из горцев возьмет Уильяма к себе в седло, а служанка пусть управляет со своим конем. Бри и Фредди ездят верхом с трех лет. Конечно, путешествие для них окажется утомительным, но, уверен, они все вынесут, – посоветовал брат.

– Может, ты и прав, – задумчиво протянул герцог Ланди. – Бри и Фредди посчитают это очередной игрой.

– Когда отправляешься? – осведомился Генри.

– Дам детям два дня прийти в себя, и – в дорогу! Граф Уэлк того и гляди свалится нам на голову, и я не желаю рисковать. Нужно как можно скорее пересечь границу. Чем большее расстояние будет между детьми и Англией, тем спокойнее.

Генри согласился и, хотя любил младшего брата, без особого сожаления расстался с ним два дня спустя. Нужно думать и о своих детях, а у него их пятеро! Кроме того, Кэдби и его люди нуждаются в защите. В отличие от отца, очаровательного и безрассудного до сумасбродства джентльмена, жизнь научила Генри осторожности и осмотрительности: совсем не плохие качества по тем временам.

– Береги себя, Чарли, – пожелала на прощание сыну вдовствующая герцогиня. – Кровь Христова! До чего ты похож на отца! Помни, Чарлз Стюарт, ты – все, что осталось у меня от него! И я не собираюсь так легко тебя отдавать! – И расцеловав сына в обе щеки, добавила: – Отправляй гонцов в Бель-Флер. Даже если нас там не будет, им скажут, как меня найти. – Поцеловав его еще раз, она обратилась к внукам: – Присмотри за братьями, Сабрина. Слушайся дядю Патрика, хотя он скорее всего даст тебе полную волю. Совсем от рук отобьешься!

– Хорошо, бабушка, – кивнула леди Сабрина Стюарт, приседая в глубоком реверансе.

– А ты, Фредерик Генри Стюарт, помни, из какого ты рода и чья кровь течет в твоих жилах. Повинуйся дяде и береги сестру и брата, – наставляла она.

– Обязательно, бабушка, – прошептал Фредди, целуя ее руку.

– Господи! У тебя манеры истинного придворного, – похвалила она. – А теперь ты, Уильям Чарлз Стюарт! Не перечь старшим и старайся быть хорошим мальчиком.

– Да, ба, – прошепелявил малыш.

Жасмин нежно улыбнулась и, наклонившись, чмокнула его в макушку.

– Господь храни вас, милые мои, – вздохнула она и ушла, не желая видеть, как они уезжают.

– Каким прекрасным было лето, пока не явились круглоголовые, – пробормотала Отем. – О, Чарли! Как жаль, что конец оказался таким печальным!

– Не выходи замуж за первого попавшегося поклонника, – посоветовал он. – Ищи свою любовь. Только любовь.

Он поцеловал ее, отвернулся и, вскочив в седло, пришпорил коня.

Отем уже успела нежно попрощаться с племянниками и теперь вместе с Генри смотрела вслед небольшому отряду, покидавшему Кэдби.

– Ненавижу Кромвеля и его грязных пуритан! – твердила девушка, наблюдая, как исчезают за поворотом всадники.

– Это я уже слышал, и не раз, малышка, – сухо отвечивал Генри. – Ступай лучше в дом. На улице холодно, и, если хочешь поскорее отправиться во Францию, смотри не простудись.

– А ты был когда-нибудь во Франции, Генри? – поинтересовалась девушка.

– Несколько раз. Тебе там понравится. Думаю, мама решила провести зиму на Луаре, в Бель-Флер.

– Да-а? – разочарованно пробормотала Отем. – А я так хотела в Париж!

– Не стоит расстраиваться, – утешил брат. – Мама хочет, чтобы ты немного привыкла к новой жизни и к французскому языку. Кроме того, тебе понадобится новый, самый модный гардероб, а она, как настоящий генерал, готовящийся к сражению, разузнает все что сможет о французском дворе. Ее богатство и связи французских родичей неоценимы для твоих планов. Поэтому она и хочет, чтобы сначала ты познакомилась с ними. Доверься маме, и, бьюсь об заклад, не позже чем через год ты обретешь счастье в браке.

Взяв сестру под руку, он вернулся в дом.

Всю следующую неделю лили непрерывные дожди, и Отем часто вспоминала Чарли и детей, которых не пощадили небеса. Правда, погода может стать их союзником, если, разумеется, никто не заболеет. Пуритане не посмеют носа высунуть в такое ненастье. Только человек отчаявшийся или в большой спешке может пуститься в путь при таких обстоятельствах.

Накануне отъезда дам во Францию приехал разгневанный граф Уэлк и с порога поднял крик, требуя объяснить, где находятся дети его дочери и что с ними случилось.

Маркиз Уэстли, не теряя присутствия духа, спокойно пригласил взъерошенного визитера в зал.

– Моя мать выразила желание обсудить с вами одно небольшое дельце, милорд. Я знаю лишь, что моя невестка была зверски убита солдатами парламента. Моя младшая сестра леди

Отем Лесли была тому свидетельницей и может подробно описать все, что происходило в тот день, но, прошу вас, будьте с ней помягче. Она так и не оправилась от потрясения.

Граф Уэлк, тощий человек среднего роста с желтым морщинистым лицом, был облачен в обычную черную одежду пуритан, что еще больше усиливало неприятное впечатление.

– Итак, мадам? – вместо приветствия обратился он к вдовствующей герцогине.

– Мой сын и наши внуки находились здесь несколько недель назад, но не имею ни малейшего понятия, где они сейчас, милорд. Я сама сказала Чарлзу, что не желаю знать о его намерениях, чтобы лучше оберегать безопасность его и детей. Надеюсь, вы меня понимаете.

– Ваш сын недостойн заботиться о моих внуках, мадам! – яростно выпалил он.

– Неужели? И что же, милорд, заставляет вас придерживаться подобного мнения? – надменно осведомилась Жасмин. – Он их отец.

– Ваш сын развратник и мот, – бросил граф.

Но Жасмин только рассмеялась:

– Даже в юности он не был ни тем, ни другим. Как только он встретил вашу дочь, милорд, его сердце было покорено. Для него не существовало другой женщины, кроме Бесс. Он стал ей верным, преданным, любящим супругом, как вам известно не хуже меня, милорд.

– Это замужество погубило мою дочь! – отбивался граф.

– Счастливейшие годы своей молодой жизни ваша дочь провела именно с Чарли и своими детьми. Она мертва не из-за моего сына, а из-за пороков ваших богобоязненных пуритан. Ваши солдаты ворвались в ее дом и убили мажордома. Когда Бесс попыталась протестовать, этот дьявол, не говоря ни слова, выстрелил ей в сердце. Моя собственная дочь видела все и, без сомнения, тоже разделила бы участь несчастных, не войди в дом капитан отряда. В тот момент негодяй как раз срывал кольца с холодеющих пальцев Бесс. Вот каковы негодяи, которых вы и вам подобные выпустили на свободу, милорд! Грабители и убийцы невинных!

– Стюартов не назовешь невинными, – пробормотал граф.

– Стюарты, пусть в их жилах и течет королевская кровь, не лишены обычных слабостей. Они всего лишь люди. Да, Стюарт был неважным королем, но добрым человеком, а вы не удовлетворились тем, что свергли его. Нет, ваша шайка напилась его крови! Казнить помазанника Божьего, а потом оправдывать свои подлые деяния благочестивыми намерениями! Позор на ваши головы!

– Нетрудно понять, с кем вы сердцем, мадам, – мрачно возвестил граф.

– Мое сердце, сэр, похоронено в склепе Гленкирков, вместе с моим мужем, который погиб при Данбаре, защищая короля и страну. Я ни на чьей стороне, как и мой сын. Что же до наших детей... повторяю, я не желала знать, куда увез их Чарли. Их фамилия, похоже, сделала несчастных мишенью преследования для ваших набожных союзников! Судя по тому, как они обращались с маленькой кузиной Чарли принцессой Элизабет, я вполне понимаю необходимость спрятать детей! Ваши люди бросили принцессу на произвол судьбы. Она умерла от простуды, потому что вы не позволяли протапливать ее покои. Бедняжка голодала, ибо ее почти не кормили! Именно такой участи вы желаете для Сабрины, Фредерика и маленького Уильяма, милорд?!

– Дети будут в полной безопасности на моем попечении, верного и преданного нынешней власти гражданина! – заявил Уэлк.

– Вы просто глупец, если верите этому, милорд, – бросила Жасмин, презрительно скривив губы. – Место детей рядом с родителями, поэтому они сейчас со своим отцом. Предупреждаю, сэр, не стоит становиться врагом моего сына, ибо в один прекрасный день король непременно воцарится на троне и, когда это время настанет, вы будете рады иметь другом любимого кузена монарха!

– Стюарты никогда не вернутся на английский трон, – прошипел граф Уэлк.

Жасмин снова усмехнулась:

– Вернутся, сэр, не сомневайтесь. Не знаю, долго ли осталось ждать, но они еще будут править Англией! Постарайтесь к этому часу не попасть в список государственных изменников!

– Я обращусь в суд! – вскричал раздраженный граф.

– Сколько угодно. Уверена, что вашим парламентским судьям не терпится узнать о зверском убийстве невинной молодой женщины одним из ваших же солдат, который к тому же пытался ее ограбить. Моя дочь не единственная свидетельница преступления. Сэр Саймон Бейтс, капитан отряда, лично казнил негодяя и не станет этого отрицать как богобоязненный офицер.

– Мадам, в вас, несомненно, есть нечто греховное, но, к моему величайшему сожалению, ваша логика безупречна. Надеюсь, вы сообщите мне, если получите известия от сына?

– Увы, сэр, не смогу. Мы с дочерью скоро отправляемся во Францию. Я не смогла остаться в Шотландии – слишком много грустных воспоминаний. Правда, вдовий дом в Кэдби принадлежит мне, и я думала окончить здесь свои дни, но снова меня преследует память о муже. Бабушка оставила мне небольшое загородное поместье во Франции. Мы с дочерью удалимся туда скорбеть о потере Джеймса Лесли. Однако мой сын Генри немедленно пошлет к вам гонца, если что-то узнает. Но вряд ли Чарли откроет свое убежище из страха за детей.

Мило улыбнувшись, она протянула графу руку для поцелуя. Тот понял, что беседа окончена и его выставляют вон, как надоедливую слугу, однако покорно поднес к губам униженные кольцами пальцы.

– Благодарю, мадам, за то, что согласились меня принять, и позвольте пожелать вам всего хорошего.

– Прощайте, милорд, – величественно кивнула Жасмин. – Передайте самые лучшие пожелания вашей супруге.

И с этими словами она медленно удалилась.

Граф Уэлк обратился к маркизу Уэтли:

– Ваша матушка – поразительная женщина, милорд.

Генри едва скрыл улыбку.

– Вы совершенно правы, сэр, – с величайшей серьезностью отвечивал он.

– Но вы напишете мне?

– Разумеется, сэр, если получу послание от моего брата, – заверил маркиз. Он всячески старался казаться дружелюбным и участливым. Нужно подумать и о собственном семействе, хотя он ни за что не предаст родственников! Мать была права в оценке Джона Лайтбоди, графа Уэлка! У него нет ни власти, ни богатства, ни влиятельных друзей, которые заступились бы за него. Однако не стоит наживать лишних врагов.

Поэтому он с очаровательной улыбкой проводил графа Уэлка до порога, где и распрощался.

– А ты умен, – восхитилась Отем, поднимаясь с кресла у камина, где просидела все это время. – Мама тоже умна, но и высокомерна, как требует ее королевская кровь. Однако ты, Генри, еще и хитер! Клянусь, этот пуританин в самом деле поверил, что ты немедленно донесешь ему о планах Чарли, и покинул нас с миром, чего не скажешь о его разговоре с мамой!

Генри широко улыбнулся.

– Нет смысла без нужды злить людей. Теперь Уэлк вернется к жене с достаточно разумным объяснением своей неудачи. Только такой идиот, как он, способен думать, будто Чарлз при любых обстоятельствах доверит ему своих отпрысков. Кстати, а где мама?

– Ушла к себе проследить за сборами. По-моему, она решила оставить здесь кое-какие вещи, так как считает отныне Англию своим домом. Расскажи мне лучше про Бель-Флер. Ты ведь был там когда-то. Большой дом? Красивый? – сыпала вопросами Отем.

– Был. В детстве, – кивнул Генри, – когда мама пыталась скрыться от твоего отца. Уж очень злилась, что король Яков и его жена приказали ей выйти за него замуж. Она понятия не имела, как сильно любил ее Джеймс, и пряталась там вместе с нами, пока он ее не отыскал. Мне тогда было почти семь, Индии – восемь, Фортейн – пять, а Чарли еще не вылез из пеленок. Как давно это было, а кажется, будто вчера! – Он мечтательно усмехнулся. – Как нам было весело! Мама позволяла нам все, и мы превратились в настоящих дикарей. Почти забыли родной язык. Потом явилась наша прабабка с известием о смерти прапрадеда. Почти сразу же приехал Лесли, которого мы очень скоро стали называть папой, потому что, по правде говоря, отчаянно нуждались в отце. Бель-Флер – маленький, но изумительно красивый. И расположен недалеко от Аршамбо, где живут наши французские родственники. Не думал, что мама вернется в Бель-Флер через тридцать лет. Правда, там все это время жили слуги. Когда-то там гостила Индия с семьей, да и Чарли увез туда Бесс на медовый месяц. Но постоянно там никто не жил. Наверное, теперь Бель-Флер станет твоим вторым домом, Отем.

– Я вернусь в Англию и Шотландию, когда король займет трон, – решительно ответила Отем.

– А если выйдешь замуж за француза? – возразил брат. – К тому же свергнуть мастера Кромвеля и вернуть короля не так-то просто.

– Но люди ненавидят Кромвеля и его приспешников! – рассерженно вскричала Отем.

– У народа, дорогая сестра, нет истинной власти. Люди делают то, что считают правильным. Власть, Отем, – не многие могут противиться такой приманке. В прошлом самыми могущественными людьми были король и его советники. Теперь – члены парламента. Англии, как видно, еще не осточертели мастер Кромвель и его приспешники. Поезжай во Францию, дорогая сестра, и постарайся начать новую жизнь. Что за чудесное приключение ждет тебя, Отем. Будь смелее!

– Но что станет с тобой и другими? – вздохнула Отем в тревоге за братьев и сестер.

– Наши братья в Ольстере уже женились и сделают все, чтобы защитить своих людей от солдат Кромвеля, хотя на севере те не так свирепствуют. Фортейн, Кайрен и их семья в безопасности в Мэрис-Ленде. Чарли уехал на помощь королю. Патрик, я уверен, этого не сделает, но сумеет уберечь Гленкирк. Индия и Окстон, подобно мне, останутся в своем поместье и попытаются остаться нейтральными, но не отдадут свой дом и слуг во власть пуритан. Наша семья переживет бурю и выживет, вот увидишь. А ты, девочка, поедешь с мамой, чтобы найти во Франции свою истинную любовь и свое счастье.

Отем внезапно разразилась слезами и спрятала лицо на груди брата.

– Мне хочется, чтобы все оставалось по-старому, когда мы были вместе и не знали ни войн, ни страха, – всхлипывала она.

Маркиз Уэсли тихо вздохнул и погладил сверкающие волосы сестры.

– Мне тоже, Отем, – грустно признался он. – Мне тоже.

Глава 3

Сэр Саймон Бейтс приехал один. Конь медленно одолевал посыпанную гравием подъездную аллею, ведущую к Кэдби.

Несколько дней спустя после трагедии, закончившейся гибелью герцогини Ланди, он вернулся в Королевский Молверн узнать, оправилась ли Отем от потрясения. Красота девушки задела его сердце, и он все еще не мог понять, откуда у нее нашлась отвага застрелить убийцу своей невестки.

Однако хозяев он уже не застал. В доме не было никого, кроме слуг.

– Леди Отем уехала к матери, герцогине Гленкирк, – сообщил Бекет самым учтивым тоном, спеша закрыть входную дверь перед носом незваного гостя. Но тот успел вставить в щель носок начищенного сапога.

– Куда именно?

– Не уверен, что могу объяснить вам, сэр, – ответил Бекет.

– Лжешь! Конечно, лжешь! А где твой господин и его дети? – процедил сэр Бейтс, чувствуя, что сейчас взорвется. Получить от ворот поворот! И от кого! Простого слуги! А ведь он имеет полномочия от правительства!

– Герцогиня Гленкирк может находиться в имении своего старшего сына, маркиза Уэтли, или у старшей дочери, графини Окстон. Всех слуг уведомили, что леди Отем едет к матери. Что же до моего хозяина и его детей... представить не могу, куда они делись. Так пожелал милорд герцог. Он посчитал причиной нападения на свой дом и убийства ее светлости свое родство с королем и его семьей. А теперь, сэр, если соизволите убрать ногу... – начал Бекет, глядя прямо в темные глаза сэра Саймона.

– Какое поместье ближе? – настаивал сэр Саймон. – Кэдби или Окстон?

– Оба примерно на одинаковом расстоянии от Королевского Молверна, сэр, – неохотно ответил Бекет.

Сэр Саймон отступил, и дверь немедля захлопнулась. Но оскорбление на этот раз прошло незамеченным, ибо его мысли заняты были одной Отем Лесли. Где ее найти?

Ему было абсолютно все равно, куда сбежал герцог с детьми. Это дело правительства, а насколько ему было известно, Чарлз Фредерик Стюарт не был замешан ни в одном преступлении против государства. Гибель его жены была несчастным случаем – не более.

Вскочив в седло, он решил, что девушка скорее всего обратилась за покровительством и защитой не к зятю, а к брату. Поэтому и повернул коня к Уорвикширу.

И вот теперь, приближаясь к Кэдби, он не мог не отметить, что дом и поместье выглядят так же богато и величественно, как Королевский Молверн. Какое безумие привело его сюда? У него нет никаких прав преследовать девушку. Кроме того, он ей не ровня... Но она околдовала его одним взглядом. Он должен знать, что она жива и здорова и когда-нибудь снова будет счастлива.

Его снова приветствовал преданный слуга. Правда, откуда-то из глубины дома немедленно появился Генри Линдли и осторожно осведомился, что привело его сюда.

– Я сэр Саймон Бейтс, – начал было он, но его немедленно оборвали:

– Я знаю, кто вы, сэр. Но чего вы хотите?

– Ваша сестра... с ней все в порядке?

Он понимал, что выглядит не лучшим образом, но язык перестал слушаться, а в голове царил звенящая пустота.

– У меня три сестры, сэр Саймон, но, полагаю, вы имеете в виду младшую, леди Отем. Она вместе с матерью скорбит о потере отца и нашей дражайшей невестки.

– Могу я увидеть ее, – дерзко спросил сэр Саймон, – чтобы еще раз извиниться за все случившееся?

Первым порывом Генри было выкинуть сэра Саймона из дома. Но он взял себя в руки. Ни к чему оскорблять человека, особенно имеющего некоторую власть. Мало ли что ему взбредет в голову! Кроме того, Отем быстро от него отделается, а завтра они с матерью уезжают.

– Я отведу вас во вдовый дом, где живет моя мать, – кивнул маркиз. – Сестра сейчас там.

Удивленный столь быстрым согласием, сэр Бейтс последовал за Генри на другой конец сада, где стоял чудесный каменный двухэтажный домик. Они вошли без стука, и маркиз окликнул мать, попросив прийти в гостиную. Вперед выступил престарелый слуга во всем белом, с невиданной шапкой на голове.

– Милорд Генри! – воскликнул он с поклоном.

– Адали, это сэр Саймон Бейтс, приехавший справиться о здоровье моей сестры, – пояснил маркиз, весело сверкнув глазами.

– Вот как, милорд, – отозвался Адали.

И тут сэр Саймон не выдержал:

– Что это у тебя на голове?

– Это называется «тюрбан», сэр, – последовал холодный ответ.

– Ты чужеземец! Я так и подумал, – догадался сэр Саймон.

– Я приехал в эту страну еще до вашего рождения, сэр, но вы правы, я действительно не здешний уроженец. Мой отец был французом, а мать – индианкой. Я поступил на службу к своей госпоже, когда ей было всего несколько дней. А теперь позвольте мне пригласить ее светлость, милорд, – обратился он к Генри и вышел из комнаты.

– Как это ваша мать терпит в своем доме иностранца! – заметил сэр Саймон.

– Мама родилась в Индии. Ее отец был императором, – пояснил Генри, крайне раздраженный бесцеремонным допросом.

В гостиной появился Фергюс Мор-Лесли с тяжелым подносом, на котором стояли графин и кубки. Вместо ливреи на нем были темные панталоны, белая сорочка и поношенная кожаная безрукавка в тон таким же ветхим коричневым башмакам.

– Я принес виски, милорд, и вино для дам. Мне налить или вы сами? – осведомился он, ставя поднос на стол.

– Спасибо, Фергюс. Мы подождем маму и сестру, – кивнул маркиз.

– Как угодно, милорд.

– Шотландец? – воскликнул гость после его ухода. – Ваша матушка держит слуг-шотландцев?!

– Мой отчим был шотландцем, сэр Саймон, – сдержанно сообщил Генри.

– О да, разумеется, – пробормотал тот, чувствуя, что снова попал впросак. Какую глупость он сотворил, явившись сюда!

Дверь гостиной снова открылась, и порог переступили обе женщины. Герцогиня тут же подошла к сыну, нежно обняла и только потом обратила взор на Бейтса.

– Адали правильно понял тебя, Генри? Это в самом деле сэр Саймон Бейтс?

– К вашим услугам, ваша светлость! – выпалил сэр Саймон.

Глаза Жасмин Лесли прищурились.

– Я обращалась не к вам, сэр, но раз уж вы набрались наглости заговорить со мной, так и быть, выскажу все, что думаю о вас!

– Мама! – предостерегающе воскликнул Генри.

– И нечего умашивать меня, Генри! Этот человек не способен держать своих людей в руках и виноват в смерти Бесс и Смайта! Вспомни, что именно он дал моей бедной дочери оружие! Как вы посмели приехать сюда, сэр, и что вам нужно?

– Хотел убедиться, что ваша дочь здорова, ваша светлость, – пробормотал сэр Саймон. – Весьма сожалею о случившемся, но на войне и не такое бывает. Я не чудовище, мадам, и у меня тоже есть две младших сестры.

Господи помилуй, сколько лет этой женщине? Прекрасна как богиня, а на лице почти нет морщин. Так же прелестна, как дочь, молча стоявшая рядом с матерью.

– Ваша репутация слишком хорошо известна, сэр. Говорят, именно вы приказываете убивать ни в чем не повинных людей. Вот и моя невестка стала вашей очередной жертвой! Вы приехали справиться об Отем. Неужели не видите, как она печальна? Моя дочь никогда уже не станет прежней наивной девочкой, какой была, пока ваши люди не вломились в Королевский Молверн. Вы оскорбляете нас своим появлением!

Сэр Саймон, потрясенный таким гневом, все, однако, понял.

– Вы простите меня, леди Отем? – обратился он к девушке.

– Завтра я уезжаю во Францию, – сказала Отем, словно не слыша вопроса, – и больше мне не придется увидеть ни вас, ни Англию.

– Покидаете страну? – удивился Бейтс.

– Моя мать унаследовала маленькое поместье на реке Луаре, – поспешно вмешался Генри, пока Жасмин вновь не разразилась гневной тирадой. – Здоровье моей сестры, как сами видите, пошатнулось. Ей лучше находиться подальше от всех этих несчастий.

– Откуда вы отплываете? – допытывался сэр Саймон.

– Из Харуича, – пояснил Генри.

– Я и мои люди проводим вас, ваша светлость, – вежливо предложил сэр Саймон.

– В этом нет необходимости, сэр, – сухо отказалась Жасмин.

Но тут вмешался сын:

– Думаю, это прекрасное предложение, мама. Спасибо, сэр Саймон, за вашу доброту. У меня нет своих воинов, а наемников брать я опасаюсь. Собственный эскорт вполне способен наброситься на тебя и ограбить. С сэром Саймоном вы будете в безопасности и доберетесь до Харуича живыми и с нетронутыми сундуками. Я сам поеду с вами.

– Мои люди расквартированы в замке Уорвик, милорд. Встретимся на дороге завтра утром. Позвольте распрощаться.

Он поклонился и поспешил прочь.

Едва входная дверь захлопнулась, Жасмин в гнев набросилась на сына.

– Ты с ума сошел! – воскликнула она.

– Вовсе нет, – ответила вместо него Отем. – Генри абсолютно прав. Мы не можем путешествовать одни в такое опасное время. Трудно найти сопровождение лучше, чем сэр Саймон Бейтс и его круглоголовые. Никто не посмеет к нам приблизиться! По-моему, он делает это ради меня, но как только мы доберемся до Харуича, больше я никогда с ним не встречусь. Конечно, его разбитое сердце вряд ли послужит достойным наказанием за все, что сотворили его люди, но, думаю, это лучшее, что он сможет сделать.

– Глупая ты девчонка, – покачала головой Жасмин. – Этот человек набрался дерзости поглядывать в твою сторону. Слыханное ли дело!

– Напрасные усилия, – пожала плечами девушка.

– Я в самом деле собираюсь ехать с вами в Харуич, мама, – пообещал Генри. – А ты, Отем, будешь продолжать вести себя как подобает хрупкой испуганной молодой девушке. Только так ты сумеешь одурачить сэра Саймона.

– То есть, – усмехнулась Отем, – даже сэру Саймону в голову не придет соблазнять несчастную простушку. Не так ли?

– Совершенно верно, – хмыкнул Генри.

– Вы меня в могилу сведете! – Герцогиня воздела руки к небу. – Генри, налей мне этого превосходного гленкирского виски! Мои нервы совершенно расстроены!

– О, мама, ты такая же притворщица, как я! Делаешь вид, что вот-вот в обморок упадешь! – поддразнила Отем. – Если уж ты вынесла похождения Индии и Фортейн, то я вряд ли могу вывести тебя из равновесия!

– Тогда я была куда моложе и отец меня поддерживал, – возразила Жасмин, отпивая глоток виски с привкусом торфа. – Изумительно! Кажется, мне и в самом деле легче!

Дети дружно рассмеялись.

Вечером они собрались в парадном зале, и Жасмин изнывала от тоски, зная, что не скоро увидит старших сына и дочь. Ее невестка Розамунд пыталась утешить свекровь:

– Не печальтесь, мадам. Летом мы приедем навестить вас, если, конечно, к следующему году дела не уладятся. Я знаю, как сильно вы любите внуков. Но я уверена, что еще немного, и пуритан изгонят, а король вернется в столицу.

– Розамунд, мы уже говорили об этом, – покачал головой Генри. – Ни Кромвель, ни его сторонники не выпустят добровольно бразды правления из своих рук. Они уже убили одного короля и не задумаются разделаться со вторым, попадись он к ним в руки. Карл Второй еще не набрался сил победить врага, а английский народ хоть и жалуется, еще не досыта наелся беззаконий и вряд ли в ближайшее время поднимется на защиту монархии.

Розамунд сокрушенно вздохнула.

– Я могу лишь надеяться, что все это скоро кончится, – грустно прошептала она. – Что будет с детьми? Теперь, когда все увеселения запрещены, где могут они встретить других молодых людей их положения и состояния? Как заключать достойные браки? Генри уже одиннадцать, а я даже не смею учить его танцевать из опасения, что слуги донесут властям.

– Может, вам тоже следует переехать во Францию? – предложила Отем.

– Я не покину свой дом, – решительно возразил Генри, – и моя семья останется здесь. Мы уже давно не бывали при дворе. Если не удастся дать несколько балов, найдем другой способ заключить брачные договоры для детей, когда придет время. Пока они все равно чересчур молоды. Рано или поздно Кромвеля свергнут, и король вернется. Ты, Розамунд, просто расстроена тем, что случилось за последние недели. Проводим маму и Отем и отправимся в Риверс-Эдж навестить твоих родителей.

Отем улыбнулась про себя. Как повезло Розамунд! Любящий муж, пятеро детей и родители живы и здоровы! Для нее ничего не изменилось, если не считать светской жизни, которой теперь просто не существует! Пуритане запретили все. Но Кэдби ничего не угрожает, хотя уединение еще не означает безопасность, как ей теперь известно.

Но все же Розамунд не гнали из собственного дома. Не лишали привычного уклада жизни. Отем же не знает, когда вернется в родной Гленкирк.

Она взглянула на своих племянников – Генри, Джеймса и Роберта. К будущему лету они подрастут, как и их сестры. Сумеет ли Генри привезти семью во Францию или станет держать их в Кэдби из страха потерять земли? И что будет с Королевским Молверном? Останется ли дом целым и невредимым до возвращения Чарли?

Утро выдалось ясным и холодным. Они уселись в большой удобный дормез маркиза. За экипажем следовала повозка с багажом. Во Франции их будет ждать карета, заранее купленная управляющими герцогини, вместе с упряжкой лошадей, багажной телегой, а также с верховыми конями, на случай если путешественницы захотят размяться. Наняты и новые слуги. Герцогиня ничего не упустила. Отем должна полюбить Францию, ибо скорее всего эта страна станет ее новым домом.

Жасмин не хотела, чтобы дочь связала жизнь с каким-нибудь английским дворянином в изгнании. Жасмин не доверяла никому из придворных Карла I. Да и что может предложить такой человек ее дочери? Ни дома, ни семьи, ни дохода! Жалкое существование.

Никогда! Отем выйдет за француза. Голландцы чересчур большие зануды, да и скучны к тому же. Но француз всегда поймет душу девушки.

Герцогиня Гленкирк твердо верила в судьбу. Ни одному англичанину или шотландцу не удалось до сих пор привлечь внимания дочери. Значит, она встретит свою любовь во Франции.

Попрощавшись с невесткой и внуками, Жасмин села в экипаж вместе со служанками Роханой и Торамалли и горничной Отем Лили. Муж Торамалли Фергюс будет править багажной повозкой. Рыжий Хью, капитан личной стражи Жасмин, уже отправился во Францию готовиться к приезду госпожи. Они встретятся теперь по другую сторону Ла-Манша.

– Я напишу тебе, как только мы окажемся в Бель-Флер, дорогая, – пообещала она Розамунд. – Повеселись в Риверс-Эдж, но потом старайся не покидать дома и присматривай за детьми. Передай привет своим родителям.

Нежно-голубые глаза женщины наполнились слезами.

– Жаль, что вы не сможете остаться. Но вдовый дом всегда будет ждать вас.

– Это утешает, дорогая, – кивнула Жасмин, закрывая окошко. Карета покатила по аллее и свернула на большую дорогу.

Неподалеку от замка к ним присоединился сэр Бейтс со своими солдатами. Капитан круглоголовых осадил коня рядом с жеребцом маркиза Уэсли.

– Доброе утро, милорд. Какую часть пути намереваетесь проехать с нами? – вежливо спросил он.

– Я провожу мать и сестру до самого Харуича, – не менее учтиво пояснил тот. – Видите ли, мне тяжело расставаться с ними. Бог знает когда мы еще встретимся.

– Понимаю, милорд. О, миледи Отем, доброе утро. Надеюсь, вы здоровы.

– Доброе утро, – жизнерадостно откликнулась Отем. – Представляете, мама говорит, что мне придется выйти за француза, а я еще в жизни не встречала ни одного! А вы, сэр Саймон? Они такие же, как мы? Жаль, что мне не придется вернуться домой, в Шотландию, но папа умер, и больше там нечего делать. Мама очень расстраивается при упоминании о нем и Гленкирке.

– В Королевском Молверне леди Отем показалась мне совсем иной, – тихо заметил Бейтс маркизу. – Вела себя так отважно и храбро, а теперь ее словно подменили.

– Она держалась до тех пор, пока не увидела мать, а потом разразилась рыданиями, оплакивая то ли отца, то ли Бесс, то ли обоих вместе. С тех пор она словно вновь стала ребенком, но мы надеемся, что бедняжка вновь придет в себя, когда окажется в мамином замке, где царят мир и покой, – со вздохом признался Генри и устремил взгляд вперед, словно предупреждая дальнейшие расспросы.

Отем прилагала все усилия, чтобы не расхохотаться. Ей было почти жаль сэра Саймона, но, зная его репутацию чудовища, она решила вести игру до конца. Кроме того, она получала некоторое удовлетворение, видя, как он мучится угрызениями совести из-за гибели Бесс и мнимого умопомешательства ее самой.

Они ехали пять долгих дней и наконец добрались до побережья. Отем старалась держаться подальше от сэра Саймона, опасаясь выдать себя. Все же за несколько часов до отплытия он ухитрился застать ее одну.

– Надеюсь, вы будете счастливы во Франции, – начал он.

– Я была куда счастливее, пока не встретила вас! И пока не началась гражданская война и не убили моего отца! Никто и ничто не может снять тяжесть скорби с моего сердца, – честно призналась Отем.

– Вы не безумны! – облегченно вздохнул он.

– Конечно, нет, сэр, просто изнемогаю от тоски. Думаю, путешествие уже оказало свое целительное действие.

– Может, вы просто смеялись надо мной, миледи?

– Возможно, – согласилась она.

– Вы меня не любите, – пробормотал он.

– А почему я должна вас любить? – взорвалась Отем. – Это вы виновны в гибели Бесс. Это вы защищаете людей, уничтоживших мой мир и убивших законного монарха! Вы и ваши сообщники превратили Англию в темную безрадостную страну! Нет, я не люблю вас, сэр Саймон.

– А вы самая прекрасная девушка на свете, – выдохнул он, словно не замечая ее неприязни.

– Вы вожделеете меня в сердце своем, сэр, с того самого момента, как переступили порог Королевского Молверна, – презрительно бросила Отем.

– Что может знать о вожделинии добродетельная девица? – с внезапно проснувшейся ревностью допытывался он. Как может она быть целомудренной, смело обсуждая подобные вещи?

– Неужели я так наивна, что не способна видеть желание в глазах мужчины? – усмехнулась Отем. – Скорее уж глупы вы, если верите такому! Я ненавижу вас и вам подобных!

– Я мог бы удержать вас в Англии, – неожиданно бросил он.

– Каким это образом? – издевательски усмехнулась она.

– Вы совершили убийство, чему я был свидетелем, – зловеще изрек сэр Саймон.

– Но чем вы это докажете? Чем подтвердите свой донос? Самое большее, что в ваших силах, – отсрочить мое путешествие. Я буду все отрицать, и даже ваши судьи-псалмопевцы в черных вороньих мантиях не поверят, что я убила человека. Я, молодая незамужняя девушка из хорошей семьи! Оружия у меня нет. Кроме того, где тело якобы убитого мной человека?

– Вы слишком умны для обыкновенной женщины, – покачал головой сэр Саймон. – И околдовали меня, Отем Лесли! Может, именно это обвинение мне и следует выдвинуть против вас. Колдовство!

– Убирайтесь ко всем чертям! – отрезала она. – Только попробуйте, и я вновь превращусь в бедную полоумную, какой казалась совсем недавно. Сегодня с вечерним приливом мы с мамой отплывем во Францию и больше никогда не увидим вас, сэр Саймон, за что я искренне благодарна небесам!

И тут, к его невероятному изумлению, девушка чуть отступила и, размахнувшись, влепила ему оглушительную пощечину.

– А это за вашу наглую самонадеянность, сэр!

Бейтс поймал ее руку и покрыл жаркими поцелуями, чем немало смутил Отем.

– Ошибаетесь, миледи, я думаю, мы еще встретимся, – тихо пообещал он и, пристально взглядевшись в ее прекрасное лицо, повернулся и исчез. Его губы оставили неприятную влагу на коже, и Отем, брезгливо поморщившись, поспешила к себе в комнату, чтобы вымыть руки. Она долго оттирала то место, которого касались его губы, гадая, сотрет ли она когда-нибудь ощущение этого поцелуя. Ее буквально корчило от омерзения.

За окном послышался конский топот: сэр Саймон и его отряд покидали Харуич. Отем с великим облегчением прислонилась к стене. Значит, все это были лишь пустые угрозы! Он ничего не смог поделать!

Дверь распахнулась, и Жасмин хмуро уставилась на дочь.

– Сэр Саймон пришел пожелать мне доброго пути и упомянул о том, как был обрадован, узнав, что тебе намного лучше. Что он имел в виду и что ты наделала, дитя мое?

– Ничего, – покачала головой Отем. – Он выразил надежду, что я буду счастлива во Франции, и по моему ответу понял, что я больше не страдаю.

Ей вовсе не хотелось пересказывать весь разговор, особенно еще и потому, что командир круглоголовых все равно уехал.

– Капитан «Попутных ветров» сказал, что мы отплываем через час, – объявила Жасмин. – Вещи уже на борту. Пойдем попрощаемся с Генри.

Значит, они в самом деле уезжают!

Отем вдруг обуяла нестерпимая тоска. Она едва сдерживала слезы. Маме и без того тяжело, не стоит расстраивать ее еще больше.

– Где Лили? – спросила она, вспомнив, что не видела горничную с самого утра.

– На корабле вместе с другими. Адали говорит, что она до смерти перепугана. Ты должна сделать все, чтобы ее успокоить.

– Но мы пробудем в море не так уж долго, – заметила Отем. – Что за трусиха эта Лили! Удивляюсь еще, как она решилась покинуть Гленкирк.

– И не решилась бы, если бы не ее дядя Фергюс. Он и Рыжий Хью – ее единственные родственники. Вспомни, что Фергюс и Торамалли, не имея своих детей, вырастили Лили как родную дочь. И поскольку на родине у нее не осталось жениха, она собралась с силами и согласилась поехать с нами. Англия – одно дело, но вот Франция... Нет, она совсем не трусиха и делает все, чтобы победить страх. Лили могла бы вернуться в Гленкирк и остаться на службе у твоего брата. Она девушка умная, хоть и немного застенчива, и видит все преимущества своей должности. Ты недостаточно хорошо ее знаешь, но Рохана и Торамалли многому научили девочку.

– Она милая, просто я скучаю по старой Мейбл, – призналась Отем.

– Знаю, но бедняжка Мейбл страдает от ревматизма и почти не может ходить. Она не вынесла бы этой поездки. Ее следовало бы заменить несколько лет назад, но я видела, как ты обожаешь свою кормилицу, да и она без тебя тосковала. Сейчас Мейбл устроилась в своем новом домике с большим камином, который выстроил для нее твой отец. Она никогда не будет ни в чем нуждаться, но тебе должна прислуживать женщина помоложе.

– А кто были родители Лили? – заинтересовалась Отем. – О них никогда не говорят. Кем они приходились Фергюсу?

– У Фергюса и Рыжего Хью была младшая сестра, которая когда-то сбежала с лудильщиком. Бедняжка умерла, когда Лили исполнилось семь лет, и отец отослал девочку в Гленкирк, заявив, что хоть она и его дитя, он никогда не был женат на ее матери и не желает ни о ком заботиться. Рыжий Хью тоже не мог воспитывать малышку, и поскольку к тому времени стало очевидно, что у Торамалли не будет детей, она взяла Лили и воспитала как собственную дочь. Теперь тебе все известно. Я не считала нужным рассказывать тебе раньше. Пойдем, Отем. Твой брат уже гадает, куда мы пропали.

Женщины спустились во двор, где уже ожидал маркиз Уэсли. При виде матери и сестры сердце Генри болезненно сжалось, но он все же выдал храбрую улыбку.

– Итак, – весело начал он, – вы уже готовы пуститься в приключения. Надеюсь, сестричка, тебе удастся избежать тех несчастий, которые довелось претерпеть всем твоим родственницам!

Мать метнула на него предостерегающий взгляд, но Генри бесшабашно продолжал:

– Ну, мама, не волнуйся, я ведь знаю, что ты станешь охранять Отем, как огнедышащий дракон! Да и по характеру она не похожа ни на Индию, ни на Фортейн. Такая покорная, сговорчивая девочка, верно?

– У нее просто не было таких возможностей, как у сестер, и кроме того, Генри, времена изменились.

– Миледи, госпожа, ваши накидки, – окликнула Лили, поспешно подбегая к ним. – Рохана просит прощения за то, что по ошибке привезла их на борт корабля. Боялась, что в суматохе о них забудут.

Девушка закутала герцогиню в темно-синюю бархатную накидку, подбитую бобровым мехом, и занялась Отем, старательно застегнув серебряные застежки. Затем она отступила и почтительно присела.

– Спасибо, Лили, – поблагодарила герцогиня. – Отем, попрощайся с Генри, нам пора.

Брат с сестрой расцеловались.

– Ты совсем не обязана беспрекословно подчиняться маме, – тихо проговорил Генри. – Но прислушивайся ко всему, что она скажет. Мама – женщина мудрая. Надеюсь, у тебя хватит

здорового смысла, чтобы отличить хорошее от плохого. Не забывай придерживать язык, храни свою добродетель и свою репутацию. Берегись мужчин, рассыпающих тебе комплименты. Им нужны либо твое целомудрие, либо твое богатство, а может, и то и другое. Таким верить нельзя. Выходи замуж только по любви, сестричка. Дай знать, если я понадобится маме или тебе.

– Обязательно, – кивнула Отем. – И мне понадобятся твои советы, Генри. – Она еще раз поцеловала его в щеку. – Я люблю тебя, братик.

Он ответил поцелуем и сжал Отем в медвежьих объятиях.

– Благослови тебя Господь, сестрица, и до встречи.

– Напомни Чарли, чтобы берег себя, – выдохнула Отем.

Она мягко высвободилась и последовала за служанкой к ожидавшему судну.

Жасмин повернулась к старшему сыну.

– Будь осторожен, – предупредила она. – Не попади, подобно Чарли, в такую же передрягу. Попомни мои слова: Кромвель и его злобная шайка долго не протянут.

– А ты вернешься домой, когда все будет кончено? – с надеждой спросил Генри.

Жасмин улыбнулась и подняла капюшон накидки, спасаясь от ледяного ветра.

– Не знаю, – чистосердечно ответила она. – Правда, Бель-Флер не намного больше моего вдовьего дома, но я всегда питала слабость к этому месту. Кроме того, тамошний климат мне нравится куда больше, чем английский. Однако я не говорю «никогда», Генри. Позаботься о том, чтобы меня похоронили в Гленкирке, когда придет время, а если не будет возможности, то в Королевском Молверне, рядом с прабабушкой.

– Надеюсь, вы не собираетесь скоростижно скончаться, мадам? – усмехнулся Генри.

– Нет, но когда-нибудь это все равно случится. Я хочу, чтобы ты все знал заранее, а если что-то перепутаешь, вернись с того света, чтобы не дать тебе покоя!

Генри рассмеялся.

– Мама, подобной тебе нет в целом свете! – воскликнул он, целуя мать. – С богом, родная, и пиши мне обо всем, что будет с тобой и Отем.

– Напишу, – пообещала Жасмин и, в последний раз поцеловав сына, взошла по сходням.

Маркиз Уэстли стоял на причале до тех пор, пока паруса «Попутных ветров» не исчезли из виду. Только тогда он вернулся к экипажу и приказал кучеру гнать лошадей во весь опор. Мать и сестра отплыли на одном из торговых судов, принадлежавших семье. Корабль выйдет из Северного моря в Ла-Манш, мимо Бреста, через Бискайский залив к устью Луары, где женщин будет ждать карета. Капитан личной стражи герцогини уже отправился во Францию, чтобы отдать все необходимые распоряжения.

Ноябрьское море было беспокойным, хотя погода выдалась ясной. Непрерывно дул ветер с севера, наполняя паруса и подгоняя судно. Они прошли мимо Нормандских островов, обогнули Иль-д'Юссен, миновали Пойнт-Пенмарш. В тот день, когда они проплывали между Бель-Иль и Ле-Крезе, пошел дождь. Капитан Баллард подошел к большой каюте, где поселились Жасмин и Отем. Отем и Лили лежали на койках, изнуренные головокружением. Адали дремал в кресле, а Рохана вместе со своей сестрой Торамалли спокойно шили, сидя рядом с хозяйкой. Услышав тихий стук, Торамалли вскочила и подбежала к двери.

– Добрый день, ваша светлость, – поздоровался капитан. – Ее милость нездоровы?

– Небольшой приступ морской болезни, – пояснила Жасмин. – Ничего серьезного. Простоя моя дочь никогда раньше не путешествовала морем. Она храбро боролась с приступами с той минуты, как взошла на борт, но сегодня все же слегла. Впрочем, думаю, все обойдется.

– Может, ей станет легче от известия о том, что к утру мы войдем в устье Луары? – с улыбкой сообщил капитан Баллард. – К концу дня доберемся до города.

– Превосходно, капитан, – кивнула Жасмин. – Я хочу поблагодарить вас за то, что сочли возможным изменить маршрут. К этому времени вы были бы уже на полпути в Мэрис-Ленд.

Но когда доберетесь туда, не забудьте передать моей дочери, мистрис Деверс, те письма, что я вам дала.

– Не беспокойтесь, ваша светлость. Они станут для нее прекрасным рождественским подарком, даже если эти пуритане, что правят нашей страной, не позволят праздновать Рождество Господа нашего.

Жасмин засмеялась, но все же предупредила капитана:

– Вы должны быть осторожнее, Баллард. Если злые люди услышат, вполне могут потребовать отстранить вас. Моя семья предпочитает сама вести дела и не потерпит вмешательства посторонних. Торговая компания О’Малли – Смолл процветает вот уже почти сто лет благодаря нашей осмотрительности.

– Вы правы, ваша светлость, – виновато пробормотал капитан.

– Я знаю, вы верны своему королю, – несколько смягчила упрек Жасмин. – Но в отличие от других мы никогда не осуждали чужие обычаи, и, следовательно, в вашей команде есть люди разных вероисповеданий. Вполне возможно, некоторые из них далеко не так терпимы, как мы.

Капитан снова кивнул и с поклоном удалился.

– Да, от этих пуритан никакого покоя нет, – заметила Рохана. – Не думала, что мы в свои годы снова лишимся дома.

– Но как мы найдем Бель-Флер, принцесса? – встревожилась Торамалли. – Прошло более тридцати лет с тех пор, как мы в последний раз там были. Старый Матье давно умер. Кто присматривал за замком?

– Его внук Гийом, – пояснила Жасмин. – Он с женой Паскалиной все это время жил в Бель-Флер. Боюсь, дом покажется Отем весьма старомодным, но зато таким уютным!

Служанка весело хмыкнула, вспомнив их бегство из Англии во Францию. Потом явился герцог, женился на хозяйке и, казалось, навсегда увез ее из Бель-Флер.

Сестры-близняшки переглянулись и согласно кивнули. Бель-Флер был прекрасным местечком и наверняка остался таковым.

К утру дождь так и не перестал, но качка почти прекратилась, и, выглянув из иллюминатора, Отем увидела, что судно уже плывет по Луаре. Сквозь пелену дождя и туман виднелась земля. Франция! Они во Франции! Скоро ее ждет веселье королевского двора. Она забудет мастера Кромвеля и его угрюмых пуритан, ненавидящих все светлое и прекрасное. Кроме того, она чувствовала себя значительно лучше, чем накануне вечером. Даже Лили встала и, что-то весело напевая, укладывала вещи в сундук.

– Где мама? – спросила Отем у служанок.

– На палубе вместе с моим Фергюсом, – ответила Торамалли.

Отем направилась к двери.

– Минутку, миледи, – строго окликнула Торамалли. – Лили, принеси накидку госпоже. Она не должна выходить на воздух в одном платье. Погода сырая, а ветерок, пусть и слабый, все равно чересчур холодный! Она может простудиться. Скорее, девочка! Нужно заранее предвидеть подобные вещи!

– Прости, тетя, – пробормотала Лили, поднимая зеленую бархатную накидку, подбитую бобровым мехом, и накидывая на плечи Отем. Потом тщательно застегнула все застёжки и подняла капюшон, стараясь не засмеяться, поскольку Отем, стоя спиной к Торамалли, строила забавные рожицы.

– Все, миледи, – чопорно заключила Лили и, прикусив губу, чтобы не хихикнуть, вручила госпоже надушенные кожаные перчатки с шелковой подкладкой.

– Вы же не хотите, чтобы на этих прелестных ручках появились цыпки, миледи?

– Разумеется, нет! – воскликнула Отем. – Что подумает мой знатный французский лорд, кем бы он ни был?!

Лили невольно фыркнула, а Отем расхохоталась.

– Ну вы и парочка, – неодобрительно покачала головой Торамалли. – Лили, надевай накидку и живо за госпожой. Может, ледяной воздух приведет вас в чувство!

Девушки выбрались из каюты на палубу. Торамалли укоризненно покачала головой, глядя им вслед.

– Не представляю, как это мы выдержали шестимесячное путешествие из Индии вместе с принцессой и не сошли с ума! – сказала она сестре.

– Нас с детства готовили в служанки, – спокойно заметила Рохана. – Мы были рабынями и уже этим сильно отличались от Лили. В свое время она тоже станет прекрасной горничной. И она, и ее госпожа – шотландки и еще совсем молоды.

– Ты всегда защищаешь Лили, – упрекнула Торамалли. – Без нас она стала бы потаскушкой, как ее мамаша.

– Ты неоправданно резка, сестрица. Хитрый лудильщик воспользовался доверчивостью юной девушки. Она влюбилась. Я хорошо помню отца Лили. Он был красив и строен. Думаю, сестра Фергюса не первая, кто поверил его сладким речам.

– Не люби я так Лили, – проворчала Торамалли, – выгнала бы ее из дому.

– Не выгнала бы, – смеясь запротестовала Рохана.

– Ты права, – вздохнула сестра, – но эта девчонка сведет меня в могилу!

В середине дня «Попутные ветры» пришвартовались в Нанте, раньше чем предсказывал капитан. Рыжий Хью уже ждал их и радостно приветствовал госпожу.

– Миледи! – воскликнул он. – Все уже готово! Правда, я думал, что вы прибудете позже и захотите переночевать здесь. Поэтому и заказал номера в лучшей гостинице «Синий селезень». Экипаж уже стоит на пристани.

– Спасибо, Рыжий Хью. А теперь поздоровайся с родичами – и в путь, – усмехнулась герцогиня.

Великан-шотландец схватил в объятия Торамалли и громко чмокнул в губы.

– Черт меня возьми, женщина, если я не стосковался по тебе!

– Вот дурень, – пробормотала она, раскрасневшись от удовольствия. – Ладно, так и быть, я тоже скучала по тебе.

Рыжий Хью куда сдержаннее поздоровался с родственницами и повернулся к брату:

– Фергюс, старина! Рад тебя видеть.

Жасмин тем временем еще раз поблагодарила капитана и вместе с дочерью и служанками сошла на берег. Карета, приведенная Рыжим Хью, оказалась просторной и очень красивой. Шотландец предупредил госпожу, что в гостинице ждет экипаж поменьше, вместе с братом взобрался на козлы и подстегнул коней.

В гостинице их приветствовал сам хозяин, кланяясь и улыбаясь: очевидно, Рыжий Хью уже успел объяснить, какая важная гостья прибудет в его скромное заведение. Он лично проводил Жасмин и ее спутниц в зал.

Гостиница оказалась чистой, теплой и уютной. Воздух наполняли аппетитные ароматы, так что у Отем слюнки потекли. Она поразилась, как легко мать переходила с английского на французский и наоборот, чтобы Лили лучше поняла происходящее. Остальные, даже Рыжий Хью и Фергюс, понимали по-французски.

– Лили, ты тоже должна выучить французский: теперь здесь наш новый дом. Ты не сможешь ни с кем говорить, если не овладеешь языком. А как ты будешь флиртовать с молодыми людьми, если не будешь понимать их комплименты? – пошутила герцогиня и обратилась к владельцу гостиницы: – Месье Пьер, велите подать нам ужин сюда. Запахи, доносящиеся из вашей кухни, поистине восхитительны, и я предоставляю выбор вам. Надо поскорее поужинать, ибо я тоскую по горячей ванне и постели. Я уже не так молода, а путешествие оказалось довольно утомительным.

Она одарила его легкой улыбкой, но хозяин поклонился чуть ли не до пола.

– Мы все немедленно подадим, госпожа герцогиня, а потом слуги принесут воду для ванн. Он попятился и скользнул за дверь.

– Какой забавный человечек, – развеселилась Отем, – и такой услужливый!

– А кроме того, неглуп и хорошо ведет хозяйство, – отметила Жасмин. – Но так или иначе, за золото можно всегда купить все самое лучшее. Помни это, дочь. Золото – это власть.

– А я богата? – осведомилась Отем. – Раньше я никогда об этом не думала.

– Очень, – кивнула мать. – У тебя огромное приданое от отца. И от меня ты получишь целое состояние. Ты достаточно богата, чтобы привлечь самых завидных поклонников. И разумеется, немало охотников за приданым, дитя мое.

– Мы поедem в Париж?

– В свое время, – кивнула мать. – Сначала я должна понять, что творится в этой стране. Пока за короля правит регентша, королева Анна, и вокруг юного Людовика плетется сеть интриг. Ближайший советник королевы – кардинал Мазарини, ненавистный всем принцам крови. За этой ненавистью скрываются ревность и зависть. Они жаждут власти, которую могут получить, завладев королем, но пока кардинал и королева и близко не подпускают их к нему.

– Французы по крайней мере не казнили своего монарха, – вздохнула Отем. – Сколько лет королю Людовику, мама?

– Всего двенадцать, и в следующем году, когда минет тринадцать, он примет власть и станет править единолично. Хотя, подозреваю, мать по-прежнему будет оказывать на него влияние. Однако, когда он взойдет на трон, враги кардинала не смогут похитить короля под предлогом защиты его от дурного влияния. Королева и ее союзники ведут весьма хитрую политику. Я восхищаюсь этой женщиной.

– Но у двенадцатилетнего короля вряд ли есть настоящий двор, – разочарованно протянула Отем.

Мать засмеялась.

– Ничего, твой час настанет, дитя мое, – пообещала она.

Дверь покоев распахнулась, впустив длинную процессию слуг с блюдами и чашами, от которых исходили головокружительные запахи. Стол проворно накрыли, посуду расставили.

– Я сам буду прислуживать госпоже герцогине, – объявил Адали.

Слуги вышли.

– Никаких церемоний, – приказала Жасмин. – Пусть все сядут. Адали – на противоположной стороне, Отем – справа, остальные где хотят.

Она позволила Рыжему Хью усадить ее во главе стола и благодарно ему улыбнулась.

Адали наполнил тарелки, передав первую госпоже, а последнюю взяв себе. На ужин подавались вареные артишоки с уксусом и оливковым маслом, говядина по-бургундски с крошечными луковками и ломтиками моркови в аппетитном соусе, жирный каплун, фаршированный луком, цикорием и шалфеем, грудку которого Адали нарезал тончайшими ломтиками, и розовая деревенская ветчина. Кроме этого, были два сорта сыра: слезящийся бри и английский чеддер, а также свежесдобенный, еще теплый хлеб и комок только что сбитого масла. На буфете стояли блюдо с яблочными тарталетками и молочник с густыми золотистыми сливками. Адали щедро разливал красное вино, но герцогиня, выпив два бокала, объявила, что вина с фамильных виноградников в Аршамбо куда лучше.

Когда все по достоинству оценили ужин и гостиничные слуги убрали со стола, в спальни дам принесли две деревянные лохани. Фергюс и Рыжий Хью великодушно помогли их наполнить. Перед сном Жасмин с дочерью вымылись. Роухана, Торамалли и Лили должны были ночевать вместе с хозяйками. Мужчины устроились на ночлег в гостиной. Впервые за много ночей все спокойно спали в уютных кроватях, не чувствуя качки.

Наутро после плотного завтрака Адали заказал корзину с едой, и путники отправились в дорогу.

Следующие несколько дней они двигались по северной дороге, идущей вдоль Луары. Каждая гостиница, в которой они останавливались, была не хуже «Синего селеня», и Отем жаловалась, что растолстеет на восхитительных французских блюдах.

– Не обязательно съедать все, – заметила мать.

– Но должна же я поддерживать силы, – возразила девушка.

В Туре они переправились через Луару в том месте, где в нее впадала река Шер, и свернули на проселочную дорогу. По обе стороны тянулись виноградники, а чуть дальше виднелся холм, увенчанный прелестным замком.

– Это Аршамбо, где живут наши родственники, – пояснила Жасмин. – Когда мы устроимся, я повезу тебя с визитом.

– Далеко ли до Бель-Флер? – нетерпеливо спросила Отем.

– Не слишком, – утешила мать как раз в тот момент, когда карета свернула на узкую ухабистую тропу, покрытую замерзшей грязью. Голые ветки скребли по крыше экипажа, преграждая путь. Жасмин подумала, что деревья сильно разрослись, с тех пор как она в последний раз здесь проезжала. Как давно это было! Придется нанять садовников. Гийом скажет им, что делать.

– Мама, о мама, посмотри! – вскрикнула Отем, блестя глазами. – Это Бель-Флер, мама?

Жасмин прищурилась и на мгновение забыла обо всем, охваченная чудесными воспоминаниями. Бель-Флер стал убежищем для нее и четверых детей, здесь она пряталась от Джеймса Лесли, а потом... Бель-Флер стал приютом идиллической любви. Но прошлого не вернешь. Зато у ее младшей дочери есть все надежды на будущее!

Она нежно сжала руку дочери.

– Да, детка, это и есть Бель-Флер.

Глава 4

Замок был выстроен на крошечном полуострове, окруженном с трех сторон водами живописного озера. С четвертой стороны раскинулся огромный сад, обнесенный низкой каменной стеной. Бель-Флер стоял здесь с 1415 года и насчитывал уже двести тридцать пять лет, но даже теперь поражал своим великолепием. Замок был сложен из розовато-серого сланца. По углам красовались четыре многоугольные башни с черепичными крышами наподобие ведьминых колпаков. Экипаж пересек подвесной мостик и проехал под высокой аркой с круглыми башенками.

Едва колеса перестали вертеться, к карете поспешил мужчина средних лет. Открыв дверцу, он спустил подножку и предложил руку сначала Жасмин, а потом Отем.

– Добро пожаловать, госпожа герцогиня, – поклонился он. – Я Гийом. Надеюсь, путешествие было приятным.

– Очень, – кивнула Жасмин, на которую его уверенность произвела большое впечатление. – Дом готов к нашему приезду?

– Да, мадам, но я взял на себя смелость подождать с наймом новых слуг. Моя жена Паскалина и я вполне способны услужить вам и вашей дочери в последующие несколько дней. Вижу, вы привезли своих людей.

– Нам понадобятся садовники, чтобы подрезать деревья и кусты вдоль подъездной дороги, – заметила Жасмин. – Да и саму дорогу нужно выровнять. Сплошные рытвины!

Она позволила Гийому проводить ее в замок, поднялась на каменное крытое крыльцо и очутилась в просторном зале.

– Ах, как хорошо вернуться домой, – с улыбкой вздохнула она и повернулась к управляющему: – Помню, бабушка говорила мне, что когда-то здесь служил другой Гийом. Вы его родственник?

– Мой прадед Гийом и прабабка Миньон имели честь служить вашим прадеду и прабабке, госпожа герцогиня. Месье де Мариско купил замок у владельца-гугенота после страшной Варфоломеевской ночи. Предыдущий хозяин счел за лучшее переселиться в Ла-Рошель. А, вот и моя добрая супруга! Подойди, Паскалина, и поздоровайся с госпожой и ее дочерью. Потом проводишь дам и служанок в их покои.

Вперед выступил Адали. Годы добавили ему морщин и седины, но вид у него по-прежнему был внушительный.

– Я мажордом госпожи герцогини, – сообщил он, – и уже бывал в Бель-Флере. Это Фергюс и его жена Торамалли. Им понадобится общая спальня, капитан охраны госпожи герцогини также будет спать в доме. – Повернувшись, он одарил короткой улыбкой пухленькую Паскалину. – Мадам и мадемуазель будут ужинать в парадном зале. Вы приготовили еду, моя прелесть?

– Да, месье Адали, – кивнула Паскалина, делая реверанс. Она с первого взгляда поняла, кто среди слуг главный. – Блюда простые, но сытные.

– Превосходно! – воскликнул Адали. – А теперь, друзья мои, давайте внесем в дом вещи. В воздухе пахнет дождем.

– Адали во всем своем блеске, – со смешком прошептала Отем матери. – Наконец-то он получил в свое распоряжение все огромное хозяйство. Без этого он просто увядает!

– Это не Гленкирк, – заметила Жасмин, – а всего лишь маленький замок. Кухня и комнаты для слуг находятся внизу. На первом этаже, кроме парадного зала, есть небольшая библиотека, а наверху – всего шесть спален. Не апартаменты, не покои, а простые комнатки. Во дворе находятся конюшни, псарня, голубятня и помещение для ловчих соколов.

– Мило, но не слишком роскошно, – согласилась Отем.

– Не слишком. Это местечко для любовников или для небольшой семьи. Зато замок Аршамбо – поистине величественное строение. Я обязательно отвезу тебя туда.

В последующие дни Отем была занята тем, что устраивала спальню по своему вкусу. Окно ее комнаты выходило на озеро, и Отем просиживала часами, любясь прекрасным видом. Иногда она открывала окно, чтобы вдохнуть аромат зелени. Мебель была самая простая, из старого, хорошо отполированного дуба: широкая, хоть и не столь гигантских размеров, как у матери, кровать с резным изголовьем, по которому вились усыпанные цветами лозы. Лили развесила наряды Отем в высоком шкафу, а остальные вещи поместились в красивом сундуке. У кровати стоял маленький столик. Напротив возвышались два каменных ангела, охранявшие камин. С потускневшего медного кольца свисал полог из выцветшего розового бархата. Подушка на скамье была в наволочке из полотна с вышитыми розами. По ночам окно закрывалось ставней и шторами из бархата и полотна. Нашлось место и для походной кровати с мягким матрасом, на которой спала Лили. На крохотной тумбочке поблескивал серебряный подсвечник со щипцами для снятия нагара, прикрепленными к нему тонкой серебряной цепочкой. На каминной доске поместились две фарфоровые чаши со смесью сухих цветов и трав, наполнявшей комнату приятным благоуханием.

Несмотря на вполне понятное нежелание обитать в столь отдаленном и уединенном месте, Отем полюбила замок и свою спальню. Адали по совету Гийома нанял новых слуг. За Паскалиной остались обязанности кухарки, но, чтобы справиться с готовкой, требовались еще две помощницы и поваренок. К ним прибавились две прачки, три горничные и три лакея. Двоих мужчин взяли для работы на конюшнях. Главному садовнику и полудюжине младших было велено ухаживать за садом и подъездной дорогой. Гийому приказали надзирать за работами вне замка, а Адали остался мажордомом. Рыжему Хью и Фергюсу вменили в обязанность охотиться и защищать герцогиню и ее дочь. Уже через две недели хозяйство было налажено.

Как-то в начале декабря к замку подъехал представительный мужчина. Спешившись во дворе, он отдал поводья конюху и вошел в дом.

Адали поспешил его встретить.

– Господин граф, добро пожаловать в Бель-Флер. Я немедленно доложу госпоже, что вы здесь. Марк, вина для господина графа!

Проводив гостя в зал, Адали отправился за Жасмин.

– Филипп! – ахнула та, подбегая к прибывшему с распростертыми объятиями.

– Кузина, вы совсем не изменились за годы разлуки! – галантно объявил граф, целуя ее в обе щеки.

– Лгун! – рассмеялась Жасмин.

– Я с сожалением узнал о гибели вашего мужа, – сказал он.

– А я – о кончине Мари-Луиз. Пойдемте, Филипп, сядем у огня. На улице холодно, и вы, должно быть, замерзли.

Они устроились у камина, и граф тихо спросил:

– Насколько я понял, вы бежали от Кромвелля и его пуритан?

– Вы представить не можете, какая отвратительная обстановка в Англии!

Жасмин коротко описала ту унылую, безрадостную страну, которой стала Англия в дни правления лорда-протектора.

– Мне почти безразлично, и я сумела бы все вынести, но как быть с Отем? Того светского общества, которое мы знали, больше не существует. Я перебралась во Францию, чтобы оплакивать мужа в тишине и покое, избавиться от вида ненавистных пуритан, а самое главное – найти подходящего супруга для младшей дочери. Девочке всего девятнадцать, и она, как мне кажется, самая красивая из моих дочерей. В Шотландии для нее никого не нашлось, так что уж говорить о сегодняшней Англии? Поэтому и пришлось отправиться в Бель-Флер.

Кузен понимающе кивнул.

– К сожалению, в последние годы здесь тоже беспокойно. Король едва научился ходить, когда умер его отец. Старый Людовик был неглуп, и у него хватило ума назначить регентшей королеву, но его родственники ненавидят австриячку, тем более что та во всем полагается на кардинала, который по-своему мудрый политик. Я рад, что вы ехали через Нант. Пришвартуйтесь судно в Кале, вы никогда не добрались бы до Бель-Флер. Нам повезло, что до этого глухого угла почти не доходят отголоски распрей, но почти вся страна охвачена пламенем мятежа.

– Неужели все обстоит так плохо, Филипп? Мы в Гленкирке почти ничего не слышали. Кроме того, у нас и своих забот хватает, тем более что многие надеются на реставрацию монархии.

– К сожалению, дела не слишком хороши, – вздохнул Филипп. – В январе прошлого года королева-мать велела взять под арест принцев де Конде, де Конти и герцога Лонгвиля. После этого пришлось умирять Нормандию и Бургундию. Королева оставила Париж в руках Гастона Орлеанского, а сама отправилась в Гиень, чтобы заставить тамошних жителей поклясться в верности. Но Гастон Орлеанский то и дело перебегает из одного лагеря в другой, и его поведение смело можно называть предательским. Он никак не хочет смириться с тем, что Людовик XIII назначил регентом свою жену, а не его.

– Я думала, что принц Конде верен королю, – удивилась Жасмин.

– Двuruшник. Служит и нашим и вашим, иначе говоря, ведет двойную игру, – сухо пояснил граф. – Но главный смутьян – это Жан Франсуа Поль де Гонди, архиепископ Коринфский и Парижский. Если где-то зреет изменнический заговор, можете быть уверены, что душа его – архиепископ Гонди. Несмотря на показное благочестие, он человек амбициозный и порочный. Он всегда враждовал с королевой-матерью и считал, что женщина не годится в регенты. Если кто и виноват в размолвке между ней и Гастоном Орлеанским, так это Гонди. Теперь он соблазнительными посулами заманивает в союзники Гастона Орлеанского, а кардинал пытается убедить герцога де Буйона и его брата маршала Тюренна перейти на сторону королевы-матери. Маршал довольно успешно провел августовскую кампанию в Шампани. Кардинал понимал, что если Тюренн, овеянный славой последних побед, поклянется в верности Анне, молодой король приобретет надежного защитника. Однако Тюренн отказался, и кардинал сделал все, чтобы следующая битва дорого обошлась самонадеянному военачальнику. Только этой осенью его разбили при Ретеле, и теперь у нас две фронды: одна – возглавляемая Гонди, а вторая – принцами крови, которых поддерживают парижане. Одному богу известно, кузина, что теперь будет. Не уверен, что, приехав во Францию, вы не попадете из огня да в полымя.

– Когда король объявит о вступлении в права наследования? – осведомилась Жасмин.

– В сентябре будущего года, после своего тринадцатилетия. Именно этого хотел его отец, и, откровенно говоря, дорогая, если срок регентства увеличится, я опасался бы за жизнь короля. Все, что требуется от королевы-матери и Мазарини, это заботиться о безопасности мальчика до его следующего дня рождения. Как только король взойдет на трон, мятежники уймутся – из страха, что их объявят государственными изменниками. Ну а пока они греют руки на гражданской войне под предлогом защиты короля от его же собственной матери и кардинала, – пояснил граф.

– А что вы думаете о Мазарини? – поинтересовалась Жасмин.

– Он достойный ученик Ришелье. И хотя, как и его предшественник, больше занимается политикой, чем делами церкви, все же искренне предан молодому Людовику. Те, кто выступает против Мазарини, преследуют личные интересы, – закончил Филипп и, погладив кузину по руке, добавил: – В Париже вам делать нечего, но в здешних местах царят покой и благоденствие. Ни один французский патриот не затеет войну в винодельческих землях. Для Франции главное – ее виноградники.

Жасмин рассмеялась, но, тут же став серьезной, прямо спросила:

– Возможно ли найти подходящую партию для моей дочери, Филипп?

– Не мужское дело заниматься подобными вещами. Вам следует спросить моих сестер – Габи и Антуанетт. Они должны это знать, поскольку тоже имеют дочерей-невест. Габи и Антуанетт, как и вы, лишились супругов и теперь живут со мной в Аршамбо, – сообщил Филипп. – Предпочитают простор родительского дома маленьким вдовьим домикам, в которые вынуждены были переселиться. А в Гленкирке есть вдовый дом?

– Нет, только в Кэдби, и я никак не пойму, почему архитекторы считают, будто вдовы обязаны жить в тесноте лишь из-за того, что мужа больше не с ними, – вознегодовала Жасмин.

– Мама, Адали сказал, что у нас гость? – спросила Отем, входя в зал. Сегодня она была в платье из простого серебристо-голубого дамаска с широким воротом из белого полотна, отделанным серебряным кружевом. Она не позаботилась уложить волосы, просто велела заплести их в толстую косу.

– Tres charmante!⁴ – с улыбкой воскликнул Филипп.

– Это моя дочь, леди Отем Роуз Лесли, господин граф, – официальным тоном представила девушку Жасмин и объяснила дочери: – Отем, к нам приехал мой кузен, Филипп де Севиль, граф де Шер. С позволения графа можешь звать его дядей Филиппом.

Отем присела в почтительном реверансе.

– Как поживаете, дядя Филипп? – спросила она, протягивая руку. – Рада с вами познакомиться.

Филипп поцеловал тонкие пальчики и поклонился.

– И я тоже, малышка. Как ты прелестна! Думаю, найти тебе мужа особого труда не составит.

– Я собираюсь в Париж, ко двору, чтобы поискать подходящую партию, – откровенно призналась Отем. – Вряд ли в провинции можно встретить знатного дворянина. Я, как вам известно, богатая наследница и выйду замуж только за аристократа из хорошей семьи и с собственным состоянием. Я хочу быть уверена, что он не женится на мне из-за денег.

Филипп громко рассмеялся:

– Вижу, кузина, она достойная дочь этого семейства! Чистосердечная и прямая. Малышка, твоя мама объяснит, что происходит во Франции. Сейчас в Париже нет двора – из-за беспорядков и гражданских междоусобиц. Возможно, в следующем году все изменится. Ну а пока придется довольствоваться здешним обществом, и уверяю, ты найдешь его достаточно приятным. Жасмин, приезжайте в Аршамбо на Рождество, только пораньше, в День святого Фомы. Мои сестры, вероятно, еще раньше нанесут вам визит, и вы можете спокойно обсудить ваши планы.

Еще раз поклонившись хозяйкам, он ушел.

– Нет двора? – прошептала Отем, пораженная этой новостью.

– Возможно, даже к лучшему, что твой дебют произойдет в здешнем обществе, – с тайным облегчением утешила мать. Отем не знала, что жизнь при дворе вовсе не так весела и беспечна, как ей казалось. Интриги, зависть, ревность... и кроме того, французский двор куда более чопорный и неискренний, чем английский. Жасмин подумала, что теперь ей вряд ли под силу находиться в подобной атмосфере.

– Мне дядя Филипп понравился, – с улыбкой заметила Отем.

– Ты и его сестер полюбишь, – уверила Жасмин. – Именно им предстоит ввести тебя в свет. Ты им кровная родня по линии своего прадеда де Мариско, чья мать была второй женой графа де Шер и прабабкой Филиппа.

– Я и не знала, что у нас есть родственники во Франции с твоей стороны. А вот папа несколько раз упоминал о своих французских дядях. Где они живут?

⁴ Очаровательна! (фр.)

– Недалеко от Парижа. Когда король взойдет на трон и путешествовать станет безопасно, мы к ним поедем.

– Но мне понадобятся новые наряды для Аршамбо! – встревожилась Отем. – Ты ведь не хочешь, чтобы я показалась им бедной и старомодной шотландской кузиной, верно, мама?

– Подождем до приезда моих кузин Габи и Антуанетт. Если погода не переменится, они появятся через денек-другой. Наверняка им известно, что сейчас в моде.

– Можно, я покатаюсь верхом? – спросила Отем.

– Разумеется, детка. Но не отъезжай далеко от замка. Ты еще не знаешь окрестностей, – предупредила Жасмин.

Отем с первого взгляда полюбила своего коня, красивого черного мерина, которого она так и назвала – Нуар. Она переоделась в темно-зеленые шерстяные бриджи с шелковой подкладкой, чтобы не натереть нежную кожу, белую шелковую сорочку с распахнутым воротом и широкими рукавами, темную кожаную безрукавку с резными пуговицами из слоновой кости, оправленными в серебро. Погода выдалась прохладной, но ясной, поэтому Отем не взяла ни накидки, ни плаща. Немного подумав, она направила коня по узкой лесной тропе. Листья на деревьях уже опали и теперь приятно похрустывали под копытами Нуара. Вскоре замок исчез из виду. В ветвях громко перекликались грачи. Отем ехала по тропинке, пока не достигла журчащего по камешкам ручья.

Тут она натянула поводья и задумалась, стоит ли переправиться на другую сторону.

– Это небезопасно, – произнес кто-то сзади.

Вздрогнув от неожиданности, Отем вскинула голову и увидела на противоположном берегу мужчину, одетого так же просто, как и она. Он сидел под деревом. Неподалеку паслась лошадь.

– Откуда вы знаете? – спросила она. – Пробовали сами?

– Дно очень неровное, мадемуазель. Жаль, если такое прекрасное животное сломает ногу и его придется пристрелить.

– Но я хотела посмотреть, что там, за ручьем, – призналась Отем, гадая, кто этот человек. Возможно, браконьер, который не хочет, чтобы она узнала, чем он тут занимается. Поэтому и старается ее отпугнуть.

– Ручей – это граница между землями, принадлежащими замку Бель-Флер, и землями маркиза д'Орвиля. Боюсь, мадемуазель, вы собираетесь вторгнуться в чужие владения.

– Кто вы? – дерзко выпалила Отем.

– А вы? – отпарировал незнакомец.

– Я леди Отем Роуз Лесли. Моя мать – хозяйка Бель-Флер. Мы приехали сюда, потому что Англия стала страной несчастий и бед.

– Как и Франция, мадемуазель. Боюсь, вы просто сменили одну гражданскую войну на другую, – бросил мужчина, вставая и лениво потягиваясь.

Отем заметила, что он довольно красив.

– Вы браконьер? – поинтересовалась она, понимая, что, если даже это и так, он все равно не скажет правды.

– Нет, мадемуазель, – усмехнулся незнакомец, посчитав, что леди Лесли уж очень прямодушна и наивна.

– В таком случае кто же вы? – не унималась девушка, отметив, что он очень высок. Почти как ее брат Патрик.

– Честный вор, мадемуазель, – признался он.

Но Отем, ничуть не смутившись, продолжала:

– Что же вы крадете, месье?

Он явно смеется над ней. Кроме того, этот человек совсем не похож на преступника.

– Сердца, cherie, – неожиданно ответил он и, поймав коня, вскочил в седло и ускакал.

Отем, потеряв дар речи, провожала взглядом всадника, исчезающего в зарослях. Только сейчас она поняла, что сердце бьется неровно, а щеки пламенеют, как летние розы. Какой конфуз!

Последовав совету незнакомца, Отем повернула Нуара к замку. Если земли по другую сторону ручья действительно чужие, у нее нет никаких прав вторгаться туда без разрешения владельца.

Войдя в дом, она прежде всего нашла Гийома.

– Кому принадлежат земли по ту сторону ручья?

– Как кому? Маркизу д'Орвилю, миледи. А почему вы спрашиваете?

– Так, из любопытства, – пожала плечами Отем. – Хотела переправиться через ручей, но подумала, что не знаю границ владений.

– Хорошо, что не сделали этого, миледи, – одобрил Гийом. – Дно очень неровное и каменистое. Нуар мог покалечиться. Вы правильно сделали, что поостереглись. Он породистый конь.

Назавтра в Бель-Флер приехали две овдовевшие сестры графа де Шера – мадам де Бельфор и мадам Сен-Омер – и тут же принялись оживленно щебетать:

– Жасмин! Боже мой, кузина, вы ничуть не изменились! И фигура как у юной девушки, несмотря на столько беременностей! А волосы! Все еще темные, если не считать серебра на висках!

Габриел де Бельфор расцеловала кузину в обе щеки и, едва втиснув располневшее тело в кресло у камина, с благодарностью приняла от Адали кубок с вином.

– Адали, вы совсем старик. Как такое могло случиться?

– Время, мадам. Боюсь, оно было ко мне беспощадно, – вздохнул тот. – А вы прекрасны, как само лето.

– Очень позднее лето, – сухо заметила Антуанетт Сен-Омер. – Бонжур, Жасмин. Вы должны немедленно снять траур. В черном ваша кожа кажется желтоватой. Уверена, что Джемми согласился бы со мной. Где ваша дочь? Мы приехали взглянуть на нее, чтобы решить, за кого ее лучше выдать замуж. Филипп утверждает, что она прелестна.

– Адали, позови Отем. Скажи, что приехали ее тетушки, – велела Жасмин и вновь обратилась к кузинам: – Я попросила дочь называть вас тетушками, а Филиппа – дядей. Мы действительно ищем мужа для Отем, но сначала она должна быть принята в обществе, ибо в шотландской глуши такового не имеется. К тому времени как девочка выросла, в Англии разгорелась гражданская война.

– В Аршамбо будет немало развлечений: Филипп любит принимать гостей, несмотря на вдовство. Именно он затевал все балы и приемы еще при жизни Мари-Луиз. Она предпочитала вести дом и дарить ему сыновей, – пояснила Антуанетт, которая в отличие от пухленькой коротышки-сестры была высокой и худощавой, с темно-кариыми отцовскими глазами и седеющими волосами, завитыми по последней моде в короткие локоны.

– Это верно, – подтвердила Габи. – Филипп устраивает превосходные праздники, на которые съезжается вся округа. К счастью, ни один из виноградников не принадлежит особам королевской крови, так что гражданская война нас не коснулась и наши молодые люди остались дома. – Она слегка вздрогнула. – Какая мерзкая штука эти войны! Не знаю, почему мужчинам так нравится играть в солдатики!

– Мою сестру не привлекает власть, – подмигнув, сообщила мадам Сен-Омер. – А вот и малышка! Подойди поближе, девочка, и дай посмотреть на тебя. Я твоя тетя Антуанетт, а это тетушка Габриел де Бельфор.

Отем грациозно поклонилась:

– Доброе утро, тетушки. Счастлива видеть вас.

Мадам Сен-Омер, взяв девушку за подбородок, стала поворачивать ее голову в разные стороны.

– Кожа неплоха, можно сказать, превосходна, – объявила она наконец и, взвесив на ладони толстую косу, потеревила ее. – Волосы хорошего цвета и мягкие, но не тонкие. Скулы изящные, лоб высокий. Нос прямой, подбородок пропорционален, зато рот широковат. Господи боже! А глаза-то! Глаза разного цвета. Один такого же великолепного бирюзового оттенка, как у мамы, а другой – зеленый, словно лист! Откуда у тебя такие глаза?

Окончательно расстроившись, она тяжело уселась, выхватила у лакея бокал с вином и осушила двумя глотками.

– Зеленый глаз я унаследовала от бабушки со стороны отца, леди Хепберн, – усмехнулась Отем. – И всегда думала, что эта небольшая странность будет притягивать поклонников. Вы наверняка не знаете ни одной другой девушки с такой особенностью.

– Верно, малышка, и, вполне возможно, ты окажешься права, – кивнула мадам Сен-Омер. – То, что кажется некоторым недостатком, вполне может заморозить кавалеров. Ты умна, Отем Лесли. Это в тебе говорит французская кровь. Ну разве она не прелестна, Габи? Каким удовольствием будет обсуждать ее гардероб! У тебя есть драгоценности, малышка?

– У меня есть, – отозвалась Жасмин, прежде чем дочь успела ответить.

Кузины явно обрадовались при этом известии.

– О, что за зима нас ждет! – воскликнула мадам Сен-Омер. – В округе есть несколько подходящих холостяков, каждый из которых вполне годится в мужья вашей дочери! Покойный муж Габи приходился родственником одному из них, Пьеру Сен-Мигелю, герцогу де Бельфору. Кроме него, могу назвать еще Жана-Себастьяна д'Олерона, маркиза д'Орвиля, и Ги-Клода д'Оре, графа Монруа. Эти трое – сливки нашего общества. Богаты, владельцы больших поместий, так что нет нужды опасаться, будто они охотятся за приданым. Даже при дворе трудно найти лучшую партию!

– А они красивы? – перебила Отем.

– О да, – вздохнула тетка. – Но, малышка, нужно думать прежде всего не о лице, а о характере мужчины, а еще лучше – о его кошельке. Жасмин, дорогая, у вас в замке есть священник?

– Нет, к сожалению, – пожала плечами Жасмин.

Теперь они во Франции, и, следовательно, придется вернуться к вере своего детства, хотя для нее это никогда не имело особого значения. Все же ее крестили по обрядам римской католической церкви, а наставником был иезуит, отец Каллен Батлер. Он умер год назад в ее бывшем ольстерском поместье в почтенном возрасте восьмидесяти пяти лет.

– У вашего Гийома сын как раз рукоположен в священники, – сообщила мадам Сен-Омер. – Это прекрасный случай для него! Вы должны взять его к себе, Жасмин. Вероятно, ваша дочь воспитана в протестантской вере?

– Да, но она крещена в Ольстере вскоре после рождения сначала католическим священником, а потом протестантским, – пояснила Жасмин.

– И все же наверняка не знает катехизиса! Если ей предстоит выйти замуж за благочестивого француза, она просто обязана выучить подобные вещи.

Жасмин кивнула:

– Вы правы. Я немедленно поговорю с Гийомом. Где-то в доме есть небольшая часовня. Мы откроем ее, и священник сможет служить мессу каждый день. Как был бы доволен отец Каллен!

– Мы завтра же привезем с собой портного, – решила мадам де Бельфор. – Отем нужно сшить несколько модных платьев. Насколько я помню, за залом есть кладовая, и не удивлюсь, если там до сих пор лежат ткани, которые покупала еще ваша бабушка. Если же я ошиблась, мы пошлем за нарядами в Нант. Девочка должна показаться во всем блеске! В конце концов, в

округе есть немало других хорошеньких незамужних девушек, которые тоже мечтают поймать богатого мужа. У нее немало серьезных соперниц.

– Вздор, – возразила сестра. – Ни одна девушка не сможет сравниться с Отем красотой и богатством. Мы постараемся отпугнуть охотников за приданым и позаботимся о том, чтобы за Отем ухаживали только избранные. Я так рада, дорогая Жасмин, что вы доверили это дельце именно нам!

Мадам Сен-Омер улыбнулась кухне, обнажив большие, как у кролика, зубы.

После ухода сестер, пообещавших вернуться на следующий день, Отем сказала матери:

– Тетушки такие...

Она умолкла, подыскивая нужное слово.

– Напористые? – подсказала Жасмин. – Да, и Габи, и Антуанетт неукротимы в своем желании сделать все как полагается. Помню, бабушка говорила, что они очень похожи на свою мать. Но, Отем, нам повезло, что они согласились помочь. Я хочу видеть тебя счастливой, дитя мое, и твой отец тоже желал бы этого.

Глаза Отем мгновенно наполнились слезами.

– Мне так его не хватает, мама, – пробормотала она – Почему он решил сражаться за Стюартов?

Жасмин печально потупилась.

– Ты сама знаешь почему, Отем. Он знал, как губительно для Лесли из Гленкирка защищать Стюартов, но они были его сюзеренами и родней. И хотя он понимал, что несчастье неминуемо, все же посчитал себя обязанным прийти на зов, тем более что к тому времени все Лесли уже сражались на стороне Стюартов. Твой отец мог бы сослаться на возраст, но не сделал этого, невзирая на все мои возражения. Я не считала, что его честь пострадает, если он откажется идти на войну. Но он не отказался. Ему было легче вынести мое неодобрение, чем страдать от нечистой совести. Поэтому он мертв и лежит в склепе, а мы с тобой во Франции пытаемся начать новую жизнь.

– А Патрик? Как же он? – напомнила Отем.

Мать тихо рассмеялась.

– Бедный Патрик! Он всегда знал, что в один прекрасный день станет герцогом Гленкирком, но не ожидал, что это случится так скоро. Ничего, справится. Мы с отцом были ему хорошими наставниками. Патрик скоро поймет, что обладает и мудростью, и силой для выполнения своего долга. Перед отъездом я посоветовала ему найти достойную жену. Он уже перебрал достаточно любовниц, каждый раз ухитряясь при этом выскальзывать из сетей брака. Теперь у него просто не осталось выхода. Я думала, будто никогда не вернусь в Гленкирк, но теперь знаю, что когда-нибудь обязательно приеду, тем более что завещала похоронить себя рядом с твоим отцом.

– Только не нужно о смерти, мама! – вскричала Отем, искренне расстроенная такими речами.

– Я проживу еще немало лет, как моя мать и бабушка, – утешила Жасмин. – Желаю баловать твоих детей, как мадам Скай баловала меня.

– А бабушка Велвет никогда мне не потакала, – пожаловалась Отем.

– Это не в ее натуре, – кивнула Жасмин.

– Я так и не видела мать моего отца, хотя и получила в наследство зеленый глаз, – продолжала Отем. – Помню, мне было почти тринадцать, когда из Италии привезли гроб с ее телом. А где она похоронена? Папа сказал, что это секрет. Почему?

– Думаю, сейчас уже можно сказать, – решила Жасмин. – Вечной любовью твоей бабушки был ее второй муж, Фрэнсис Стюарт-Хепберн, последний граф Босуэлл, двоюродный брат короля Якова. Бедный Яков боялся его, потому что в Босуэлле было все, чем не обладал король: ум, красота, образованность, доброта. Его называли некоронованным королем Шотландии,

что, разумеется, не нравилось королю и придворным. В упрямстве король и Фрэнсис не уступали друг другу. Фрэнсиса обвинили в колдовстве, и советники короля вынесли ему приговор как чародею.

– Это правда? – спросила Отем, пораженная похожей на сказку историей.

– Нет, конечно, – улыбнулась Жасмин. – Несмотря на то что в суд притащили несколько кликуш-простолоудинок, утверждавших, что они ведьмы, и признавших в Босуэлле главаря всех их шабашей, доказать ничего не сумели. Никто и не подозревал, что король питал нечестивую страсть к твоей бабушке. Как-то ночью он изнасиловал ее, и она сбежала к Босуэллу, с которым давно дружила. Они полюбили друг друга, и после того, как лорда Босуэлла сослали, твоя бабка, к тому времени овдовевшая, уехала с ним. Они поженились в Италии. Побег организовал твой отец, но притворился, будто ничего не знает, когда король стал его допрашивать. Яков так и не узнал о роли твоего отца во всем этом деле.

Несколько лет назад мы поехали во Францию на свадьбу принцессы Генриетты-Марии с нашим королем Карлом, и я в первый и последний раз видела свою свекровь. Она попросила, чтобы ее и лорда Босуэлла после смерти привезли в Шотландию и похоронили во дворе старого Гленкиркского аббатства. К тому времени лорд Босуэлл уже скончался. Его тело тайно выкопали из могилы, находившейся вблизи их виллы в Неаполе, кости положили в гроб твоей бабушки, и супруги были погребены вместе. Твой отец ничего не сказал мне, пока гроб не вернули в Шотландию. Только Патрик знает. Я рассказала ему перед отъездом и попросила проследить, чтобы за могилой ухаживали.

– Никогда не слышала истории романтичнее, – с завистью вздохнула Отем.

– Но это еще не все, – продолжала Жасмин. – Когда-нибудь я расскажу эту историю до конца, а пока нам нужно готовиться к твоему дебюту. Послушай меня, детка, не выходи замуж лишь для того, чтобы не остаться старой девой. Ищи свою любовь, дорогая. Брак без любви – ад.

– Но ведь люди женятся и выходят замуж по другим причинам, – заметила Отем, ласкаясь к матери.

– Меня учили, что брак – это таинство, – торжественно начала Жасмин, – но, кроме всего прочего, это еще и деловое соглашение. Среди людей нашего круга принято думать о богатстве и знатности происхождения. Зачастую любовь при этом в расчет не принимается. Считается, что после венчания она придет сама собой.

– А если нет? – разволновалась Отем.

– Тогда остается надежда, что супруги будут уважать друг друга и жить в согласии. Мой первый брак устроил отец. Я не знала Джамал-хана до самой свадьбы. К счастью, потом мы полюбили друг друга. Второй брак – дело рук моих деда с бабкой. Они сосватали мне Роуэна Линдли, но мы были влюблены еще до того, как стали мужем и женой. Ну а потом... король Яков приказал твоему отцу жениться на мне. Эту историю ты уже слышала. Нам и тут сопутствовало счастье. Мы горячо любили друг друга. Я позволила твоим сестрам выйти замуж по сердечной склонности и, как оказалось, была права. Теперь ты, мое последнее дитя, должна найти спутника жизни. Не торопись, Отем, хорошенько подумай, прежде чем решиться. Учти, твой брак будет длиться до самой кончины, твоей или его.

– Я должна стать католичкой, мама? – спросила Отем.

– Ты была крещена по католическому обряду, хотя выросла в протестантской вере. Я поговорю с Гийомом насчет его сына-священника, чтобы тот преподавал тебе основы катехизиса, ведь тебе придется когда-нибудь учить своих детей.

В тот же день Жасмин призвала к себе Гийома и спросила, нашел ли его сын место.

– Нет, госпожа герцогиня, пока еще нет, – посетовал тот.

– Поскольку я намерена поселиться здесь, в Бель-Флер, нам необходим священник, – пояснила Жасмин, – тем более что в доме есть часовня.

– Да, мадам, рядом с библиотекой, но в ней давно уже не отправляются службы.

– Я поговорю с Адали. Пусть он прикажет служанкам открыть ее и привести в порядок. Как зовут твоего сына?

– Бернар, – ответил Гийом, нетерпеливо переминаясь. Он едва удерживался, чтобы не помчаться на кухню к жене с радостной вестью.

– Передай отцу Бернару, чтобы он еще до конца недели приступил к своим обязанностям. Он будет жить в замке, пока для него не выстроят отдельный дом. Когда он прибудет, я объясню, в чем будут состоять его обязанности. А теперь иди к своей милой женушке. По глазам вижу, что ты умираешь от желания поскорее с ней поделиться.

Гийом принялся низко кланяться.

– Спасибо, госпожа герцогиня! Тысяча благодарностей! – повторял он уже на ходу.

Ну вот, еще одно дело сделано. Франция действительно постепенно становится их домом.

«Я никогда не думала, что покину Гленкирк. За свою долгую жизнь я жила в разных местах. Неужели это мой последний дом или судьба готовит мне очередной сюрприз?»

Покачав головой, Жасмин тихо рассмеялась. Перемены придают остроту пресному существованию. Чересчур уж она успокоилась и погрязла в повседневных заботах. Ни разу нигде не бывала после приезда из Ольстера, но тому минуло уже пятнадцать лет. Правда, иногда гостила в Королевском Молверне, особенно летом, но с женитьбой Чарли там все стало по-другому, и она предпочитала оставаться дома.

Теперь жизнь повела ее по новой тропе. Жасмин надеялась, что поступила правильно, приехав с Отем во Францию. Но что, если девочка не найдет свою любовь? О, как ужасно, что рядом нет ее дорогого Джемми! Она всегда принимала решения относительно детей с его помощью, опираясь на мудрые советы. Теперь же все приходится делать одной.

– Будьте вы прокляты, Стюарты! – воскликнула она. – И будь проклят ты, Джемми Лесли, за то, что ушел и оставил меня одну! Твоя преданность мне должна была перевесить верность Стюартам. Разве они что-нибудь сделали для тебя? Ничего! Совсем ничего!

И она горько заплакала.

– Моя принцесса, выпейте это, – попросил верный Адали, поднося небольшой флакончик с настоем.

Жасмин машинально проглотила горьковатую жидкость.

– Как мне быть без него, Адали? Что, если я сделала неверный ход в шахматной партии самой жизни? – спросила она, с мольбой глядя в знакомое морщинистое лицо.

Добрые карие глаза без колебаний встретили ее взгляд.

– Ваша потеря велика, моя принцесса, но мы не раз сумели выжить в обстоятельствах куда более тяжелых. И сейчас все обойдется. Ваша дочь все равно не сумела бы найти жениха ни в Англии, ни в Шотландии. Если ее судьба здесь, мы скоро узнаем об этом. Если же нет, поедет, куда будет указано свыше. Как всегда, принцесса моя. Вы сильны. И всегда были сильны. Мы с Роханой и Торамалли с самого вашего рождения были готовы прийти на помощь, да и теперь не собираемся вас покидать.

– Но мы постарели, Адали, – возразила она. – Мне уже за шестьдесят.

Адали небрежно отмахнулся ее возражение:

– Возраст, моя принцесса, – это всего лишь цифра. Тело стареет, но главное, чтобы сердце оставалось молодым.

Жасмин невольно улыбнулась.

– В таком случае, Адали, я, как бабушка, останусь вечно юной, даже когда превращусь в сморщенную ведьму. – И допив настой, заметила с удивлением: – Похоже, жалость к себе куда-то пропала. Спасибо тебе.

Адали поклонился.

– Я услышал, о чем говорили дамы, и наведаясь в подвальную кладовую. Там громоздятся сундуки, в которых лежат великолепные ткани. Их, конечно, нужно проветрить, чтобы избавиться от запаха кедрового дерева, но зато все они в целости и сохранности. Я велю принести их наверх. Часовня закрыта, и у меня не было ключа, но, припомнив кое-какие прежние навыки, я сумел открыть дверь. Мы отнесем замок к кузнецу и прикажем выковать новый ключ.

– Ты не дашь мне ни минуты покоя, верно, Адали? – усмехнулась Жасмин, любовно похлопав его по руке.

– Время не ждет, принцесса моя, как бы мы ни желали обратного. Впереди немало работы, если мы хотим, чтобы маленькая Отем произвела фурор в обществе.

Герцогиня Гленкирк поднялась с кресла и величественно выпрямилась.

– Что ж, Адали, веди меня!

Глава 5

– Мадемуазель понадобится не меньше сотни нижних юбок.

– Сотня юбок? – ахнула Отем. – Месье Рено, зачем же столько?

– Мадемуазель, – болезненно поморщился портной, – фижмы вышли из моды. В моде нижние юбки. Они придают объем верхней. Не хотите же вы, чтобы она обвисла, как на нищей бродяжке? Вы же не какая-то простолюдинка или... – он закатил глаза к небу, – или уличная попрошайка! Non! Non! Сотня нижних юбок – это самое меньшее, что должно быть в гардеробе знатной дамы! Шелковых, разумеется. Текстура шелка идеальна!

– А накрахмаленный батист не годится? – поинтересовалась Жасмин.

– Если госпожа герцогиня желает сэкономить...

Портной неодобрительно поднял брови и пожал костлявыми плечами.

Но Жасмин, ничуть не смутившись, расхохоталась:

– Я согласна на сто шелковых юбок для дочери, месье Рено, но она должна также иметь не менее двадцати пяти батистовых. В них куда прохладнее летом. Не для вечера, разумеется, но как утренние и дневные они куда приятнее.

– Разумеется, госпожа герцогиня, – улыбнулся портной. – Мадам абсолютно права, я склоняюсь перед ее чувством стиля.

– Вернее, перед ее набитым кошельком, – прошептала мадам Сен-Омер. – Ну почему я раньше не замечала, какой ужасный сноб этот Рено? Но он лучший портной во всей Франции, даже в Париже такого не найдешь.

– О, сестрица, тише, он услышит! – забеспокоилась мадам де Бельфор. – Ты ведь знаешь, какой он! Вдруг оскорбится и не станет шить для Отем. Что тогда будет?

– Вы уже успели посмотреть ткани? – спросила портного герцогиня.

Месье Рено разразился одобрительными восклицаниями:

– Мадам, я в жизни не видел такого выбора! Бархат! Парча! Простая, золотая и серебряная! Шелка! А ленты и кружева, мадам! Где вы сумели раздобыть такое великолепие?

– Все это оставила моя бабушка много лет назад. Ткани хранились в кладовой, – пояснила Жасмин.

– Невероятно! И ничего не сгнило, ни пятнышка плесени! – продолжал восхищаться портной.

– Рулоны лежали в сундуках из кедра, выложенных медью.

– Поразительно, – повторил Рено, принимая деловитый вид. – Мишель, мой сантиметр, пожалуйста. Чтобы приготовить целый гардероб за смехотворно короткий срок, на котором настаивает мадам Сен-Омер, необходимо начать немедленно. Я сам обмерю мадемуазель.

Отем неподвижно стояла на невысоком табурете, пока портной быстро обмерял ее, пронзительно выкрикивая цифру за цифрой, которые записывал помощник, повторяя каждую, чтобы не наделать ошибок.

Когда процедура была закончена, портной величаво изрек:

– Какие цвета предпочитаете?

– Думаю, моя дочь... – начала Жасмин, но ее немедленно перебили:

– Госпожа герцогиня, я обращаюсь к той, кто будет носить мои платья. Если мадемуазель не понравится наряд, она не сможет уделить должного внимания поклонникам. Не так ли? – Отвернувшись от Жасмин, портной подступил к девушке: – Говорите, мадемуазель, какие цвета вам нравятся?

Отем, немного подумав, сказала:

– У меня темные волосы и прозрачная кожа. Я люблю яркие, насыщенные тона. Изумрудно-зеленый. Бирюзовый. Сиреневый и темно-фиолетовый. Рубиново-красный. Именно

такие цвета мне идут. Сейчас носят квадратные вырезы. Я хочу, чтобы они были как можно ниже, и никаких платочков, чтобы прикрывать грудь. Кроме того, все нижние юбки и сорочки должны быть отделаны кружевом, и я ни за что не надену корсет. Ясно?

Портной улыбнулся, удивленный и в то же время довольный ее ответом.

– Мадемуазель абсолютно права, – объявил он.

– Черт побери! – воскликнула пораженная мадам Сен-Омер.

– Если декольте будет слишком откровенным, Отем приобретет скандальную репутацию, едва переступив порог бального зала, – всполошилась мадам де Бельфор.

– Мадемуазель станет законодательницей мод! – одобрительно заметил месье Рено. – Она само совершенство, и мои наряды должны быть идеальны. Первая примерка через два дня, мадам, – обратился он к герцогине. – Вы согласны?

– Я во всем полагаюсь на вас, месье Рено, – кивнула Жасмин. – Мы в ваших искусных руках.

Портной поклонился.

– Я не подведу вас, мадам, – заверил он. – Сегодня же мои помощники приедут за тканями и заберут все, поскольку неизвестно, что именно мы будем шить.

– Разумеется, месье Рено, – согласилась Жасмин. – Я уже велела сделать опись. Адали, проводи месье и молодого человека и прикажи приготовить ткани к отправке.

– Как угодно, моя принцесса, – ответил Адали, выходя из зала вместе с мужчинами.

– Ха! – воскликнула довольная мадам Сен-Омер. – Рено – противный склочный коротышка, кузина, но, видно, Отем ему понравилась, и теперь он из кожи вон вылезет, чтобы ей угодить. А ты, маленькая плутовка, до чего же умна! Даже не краснеет и не разыгрывает скромную невинность. Начни ты жеманиться, и он сшил бы тебе обычные модные платья, как всем остальным. Теперь же в лепешку расшибется, лишь бы убедиться, что ни одна женщина на рождественских празднествах в Аршамбо не будет одета лучше тебя! Ты заполучишь красивого, богатого и титулованного мужа, и все поймут, кто помог тебе успешно поохотиться. Рено может заранее принимать поздравления! Да после этого он станет твоим другом по гроб жизни!

– Если мне не понравится сшитое им платье, я так и скажу, – решительно объявила Отем. – Подобно сестрам, я очень придирчива в одежде.

– Не забудь сдабривать замечания щедрыми похвалами, – посоветовала мадам Сен-Омер. – Таким образом, ты его не оскорбишь, и, поверь, малышка, сейчас нет ничего важнее твоего гардероба. Мы, французы, помешаны на моде, а этот суетливый человечек – настоящий художник во всем, что касается тканей.

Два дня спустя Бель-Флер наводнили помощники портного во главе со своим хозяином. Лили помогла госпоже надеть десять нижних юбок и натянула верхнюю.

– Плохо сидит, – буркнул месье Рено, задумчиво поглаживая подбородок. – Почему? Почему?

– Лили, сними юбку и дай мне вон ту, – велела Отем, показывая на батистовые нижние юбки. – Прекрасно. А теперь надень ее поверх шелковых, и снова примерим платье. Ну, как теперь, месье Рено?

Портной одобрительно кивнул.

– Гораздо лучше, мадемуазель. У вас, как и у матери, есть чувство стиля. Всего одной шелковой юбкой меньше, и совсем другое дело!

Лили обошла Отем и принялась развязывать тесемки юбок. Та с помощью горничной осторожно выступила из вороха шелка.

– Идеально! – возвестил портной, хлопая в ладоши, и, повернувшись к герцогине и мадам Сен-Омер, спросил: – Как по-вашему, мадам?

Последовало ожидаемое одобрение, и Отем подмигнула матери поверх напудренного парика месье Рено.

Таким же образом были примерены еще пять верхних юбок, а потом настал черед корсажей, что заняло куда больше времени. Отем настаивала на том, чтобы юбки и корсажи были одного цвета.

– В дни моей прабабки корсажи украшались куда богаче: драгоценностями, хрустальными бусинами и золотой нитью, – пожаловалась она. – Теперь же, кроме лент и кружева, платья ничем не отделяются. А это так скучно!

Портной кивнул.

– Уж такие сейчас времена, мадемуазель. Опасно выставлять напоказ богатство в самый разгар междоусобиц. Но здесь по крайней мере не так тоскливо, как в Англии, – с лукавой улыбкой заметил он. – У меня в запасе немало секретов, мадемуазель, но я не поделюсь ими ни с кем, кроме вас. Мадемуазель будет самой модной молодой дамой в Аршамбо. Слово Рено! Госпожа герцогиня, я сделаю шесть дневных платьев и шесть вечерних. Они придут в Аршамбо к вашему приезду, а после этого каждый день, исключая рождественский, разумеется, в замок станут привозить еще по два наряда. Заверяю, ваша дочь будет одета лучше всех в округе.

– Вы не только великодушны, но и знаете, как услужить, месье Рено, – восхитилась Жасмин. – Прошу вас поговорить с Адали, и тот заплатит вам требуемый аванс. Только скажите, сколько требуется.

Портной почтительно поклонился, приказал собрать ткани и скроенные наряды и быстро удалился. Такого он не ожидал. Обычно даже богачи заставляли портного ждать платы много месяцев или даже лет.

– Не стоило давать ему ни единого су, пока не удостоверитесь, что он полностью выполнил заказ, – попеняла кузине мадам Сен-Омер.

Жасмин покачала головой:

– Теперь он сдержит обещание в надежде, что, когда сошьет последнее платье, я сразу заплачу по счетам. Он не подведет меня, а я не разочарую его, кузина. Пусть я все эти годы жила в забытом богом уголке, но вряд ли человеческая природа сильно изменилась.

Антуанетт рассмеялась.

– Вы говорите совсем как мама. Если Рено сдержит слово, придется отвести под гардероб вашей дочери отдельную комнату.

Отем была вне себя от возбуждения, когда двадцать первого декабря карета выехала из Бель-Флер и покатила к Аршамбо.

– А если моих платьев там не будет? Проклятье, мама, я не должна вести себя как глупая провинциальная мисс! Что это со мной?

– Взволнована, только и всего. В конце концов, ты впервые попадешь в настоящее светское общество, пусть и несколько поздновато, – успокаивала Жасмин.

Граф и его сестры тепло приветствовали родных.

– Сегодня, – сообщил Филипп де Севиль, – никаких гостей не ожидается. Только мы.

Однако когда они вечером спустились в парадный зал, там уже ждал красивый молодой человек, явно не относящийся к семье де Севиль.

– А вот и они, – нервно прошептала Габи де Бельфор. – Отем, дорогая, познакомься с племянником моего покойного мужа, Пьер-Этьеном Сен-Мигелем, герцогом де Бельфором. Этьен, а это леди Отем Роуз Лесли, дочь моей кузины. Я рассказывала тебе о герцогине Гленкирк.

Герцог склонился над протянутой рукой Отем. Прохладные губы чуть коснулись пальцев.

– Мадемуазель, счастлив познакомиться с вами, – пробормотал он, подняв голову. Белокурый локон упал на его лоб; карие глаза взирали на девушку с неприкрытым интересом.

– Господин герцог, – поклонилась Отем. Он действительно хорош собой, и, чувствуется, вполне это сознает.

– А это мама Отем, – продолжала Габи.

Жасмин учтиво кивнула молодому человеку, гадая, насколько подходящей партией тот может оказаться. Достаточно ли в нем души, или одно только тщеславие и гордость своим высоким происхождением?

– Моя кузина уже упоминала о вас.

– Надеюсь, что она хорошо говорила обо мне, госпожа герцогиня, – с поклоном ответил тот.

– О, как могло быть иначе! – воскликнула Жасмин и, отвернувшись, заговорила с мадам Сен-Омер.

– Мне нравится ваше платье, – похвалил герцог. – Точно такого же цвета, как прекрасное бургундское вино, которое делают в моих поместьях.

Он, казалось, изо всех сил старался не заглянуть ей за вырез, достаточно низкий, чтобы соблазнять, но недостаточно откровенный, чтобы выставлять напоказ все достоинства девушки.

– Благодарю вас. Ваше бургундское так же хорошо, как вина Аршамбо? Всю свою жизнь я пила только их. Мой отец не держал иных в Гленкирке.

– Думаю, вы сами скоро ощутите разницу, – улыбнулся герцог. – С нетерпением жду вашего визита в Шато-Рев. Надеюсь, вы с матушкой посетите меня весной. Кстати, вы ездите верхом? Ах, о чем это я, ну, разумеется, ездите. Может, мы могли бы прогуляться завтра, если погода будет хорошей?

– Вы гостите в Аршамбо, месье? – осведомилась Отем.

– Да, мадемуазель.

Рядом возник лакей с подносом, на котором стояли серебряные кубки.

– Герцог очень красив, – заметила Жасмин вечером, когда они сидели в своих покоях у камина. – Габи обожает племянника. Твердит, что его замок поистине великолепен.

– Он сказал, что пригласит нас к себе весной, – сообщила Отем. – Милый молодой человек, но, подозреваю, он и сам это знает.

– Кузина сказала, что попросила герцога приехать пораньше, дабы он смог воспользоваться преимуществами более близкого знакомства. Но думаю, ее расчеты неверны, детка.

– Не знаю, что это со мной, мама, – вздохнула Отем. – Неужели и ты была так равнодушна при первой встрече с папой? Как ты поняла, что он – твоя судьба?

– Когда я впервые увидела твоего отца, моя сводная сестра Сибилла решила, что станет следующей графиней Гленкирк. Тогда он еще не был герцогом. Но Джемми она не пришлась по душе, а я обручилась с Роуэном Линдли. После того как я овдовела и родился Чарли, твой отец попытался ухаживать за мной. Он всегда был ко мне неравнодушен. Да и я посматривала на него, но все же не позволила, чтобы из искры возгорелось пламя. В твоём возрасте, Отем, я уже пережила двух мужей и родила двоих детей. – Она нежно погладила дочь по руке и добавила: – Знаю, дорогая, со стороны кажется, будто мы приехали во Францию с единственной целью – найти для тебя мужа, но если тебе никто не понравится, ты не должна принимать первое попавшееся предложение. Ты должна быть счастлива, Отем, и если предпочитаешь свободную жизнь, пусть будет так!

– О, мама, я не питаю отвращения к мужчинам, просто никак не могу найти такого, которого боялась бы потерять. За всю свою жизнь я только раз встретила того, кого хотела бы узнать получше, но, боюсь, он совсем не подходит мне в мужья.

Жасмин заинтересованно взглянула на дочь. Она не слышала, чтобы та упоминала о мужчине, привлекавшем ее внимание.

– Кто этот человек, детка, и где ты его повстречала? – как можно деликатнее спросила она.

– Я недавно встретила его в лесу, – объяснила Отем. – Мне он показался браконьером, хотя сам он это отрицал. Сообщил, что он вор, а когда я спросила, что он крадет, ответил как-то странно. Заявил, что крадет сердца.

Жасмин тихо рассмеялась.

– Думаю, я тоже была бы очарована подобным человеком, – призналась она дочери. – Вряд ли столь остроумный мужчина окажется простым браконьером или вором. Интересно, кто он на самом деле? Что же, если он действительно принадлежит к знати, ты непременно его встретишь, поскольку твой дядя Филипп пригласил всю округу на большой бал, который дает в Двенадцатую ночь. Ну а пока тебе придется довольствоваться Сен-Мигелем. Попрактикуйся во флирте, малышка, тебе это пойдет на пользу.

– Мама! Нынешние девушки стараются вести себя естественно и не допускают ни капли притворства. Может, в твоё время это и было модно, но сейчас все изменилось.

– Когда я была молода, – заметила мать, – девушкам не позволяли выбирать себе мужей по любви, да и сегодня это редкость. Раньше, малышка, родители выбрали бы тебе мужа и не стали бы слушать никаких доводов. Приходилось идти под венец и жить с тем, кого предназначили тебе в супруги. Может, если ты не сумеешь принять решение сама, я сделаю это за тебя и найду того, которого посчитаю самым подходящим мужем для своей дочери. Ты понятия не имеешь, как ведут себя теперешние девушки, но, думаю, кокетство и флирт от рождения присущи каждой женщине.

– А по-моему, это глупо, – выпалила Отем.

– Мухи куда охотнее летят на мед, чем на укус, – наставительно проговорила Жасмин.

К Рождеству приехал Ги-Клод д'Оре, граф Монруа, очаровательный юноша с веселыми голубыми глазами и светло-каштановыми волосами, в которых плясали золотистые отблески. Он то и дело смешил Отем, и это явно раздражало герцога де Бельфора. Девушка наконец оказалась в своей стихии. Молодые люди никогда еще не ухаживали за ней столь рьяно, тем более что в Гленкирке она вела достаточно уединенную жизнь. Правда, она не роптала, но до чего же весело было сталкивать Этьена и Ги, подогревать в них дух соперничества, слышать, как они спорят о том, кому пригласить ее на танец. Как-то она даже шутливо ударила веером по руке одного из поклонников.

– Да ты флиртуешь, дочь моя, – прошептала мать.

– Господи, и в самом деле, – изумленно пролепетала Отем, но тут же снова обернулась к герцогу.

– Не хватает только одного гостя, – тихо заметила Антуанетт, наблюдая, как Отем танцует с герцогом.

– Если он приедет, – сухо откликнулся граф. – Вы знаете, как независим Себастьян, и, кроме того, он терпеть не может девственников.

– Советую ему измениться, если он надеется когда-нибудь получить наследника, – резко бросила мадам Сен-Омер. – Не знаю, откуда Себастьян д'Олерон набрался подобных идей! Он не так уж и молод и скоро будет чересчур стар, чтобы зачать сына. Такой обаятельный мужчина, но слишком уж упрям!

Двенадцатая ночь в доме графа де Севиля ознаменовалась танцами и пиром. Ожидался костюмированный бал, и труппа бродячих актеров, специально приглашенных для такого случая, должна была дать представление.

– Я оденусь солнцем, – объявила Отем своим поклонникам.

– В таком случае я буду луной, – нашелся Этьен, самодовольно ухмыляясь.

Но Ги д'Оре ничуть не опечалился:

– Тогда я наряжусь кометой, которая вертится вокруг солнца.

Отем восторженно захлопала в ладоши:

– О, Ги, как вы находчивы! Мгновенно придумали себе костюм.

Граф изящно поклонился:

– Благодарю, дорогая.

– Кто дал вам право называть ее дорогой? – вскинулся герцог.

– Вы оба можете так обращаться ко мне, – быстро вмешалась Отем, чтобы предупредить стычку.

Молодые люди обменялись свирепыми взглядами.

– О, мама, – призналась Отем позже, – они вот-вот вцепятся друг другу в физиономию! Мне показалось, что они готовы затеять дуэль из-за меня. – Однако глаза ее лукаво сверкнули.

– Дуэли запрещены, Отем, а нарушивших этот указ ждет смерть, – предупредила Жасмин. – Не доводи своих ухажеров до такой крайности. Вряд ли подобным способом можно принять верное решение.

– Какое именно? – удивилась Отем.

– За кого из двоих ты выйдешь замуж, разумеется, – пожала плечами Жасмин.

– Мне не нужен ни тот, ни другой, – возразила ее упрямая дочь. – Этьен очарователен, а Ги забавен, но я не влюблена ни в одного, я к ним равнодушна. И вряд ли изменю мнение.

– По-моему, еще слишком рано об этом толковать, – усомнилась Жасмин. – Ты не очень хорошо их знаешь, но к весне все прояснится.

Отем кивнула:

– Может, ты и права, мама. Я должна дать себе больше времени, чтобы разобраться.

Герцогиня, по-прежнему носившая траур, не собиралась участвовать в маскараде и поэтому надела темно-фиолетовое бархатное платье, сшитое месье Рено. К нему полагалась серебряная маска с аметистами. Единственным украшением служил воротник из серебряного кружева. Ее дочь, однако, была наряжена в туалет из золотой парчи, с прозрачным верхним платьем из золотистого газа, расшитого крошечными золотыми бусинками и алмазами. Низкий вырез открывал кремовую кожу и прелестную юную грудь. Рукава расширялись у локтя и перевязывались у самого запястья лентами, усеянными топазами. Носки и каблуки туфелек из золоченой кожи тоже украшали крошечные алмазы. Лили уложила переплетенные нитками золотых бусинок, желтых бриллиантов и топазов волосы в элегантный узел, посыпанный золотой пылью. На голове красовалась изящная золотая корона, олицетворяющая солнце. На каждом луче сверкало по желтому бриллианту. Такие же бриллианты, оправленные в червонное золото, свисали с ушей. Шею обрамляло ожерелье, в его центре блестел огромный бриллиант из Голконды, рассыпающий мириады цветных огней при каждом движении Отем.

– Неотразима! – объявил дядя, когда она появилась в парадном зале. – Ни одна женщина не сумеет затмить тебя.

– Ты не находишь, что наряд чересчур откровенный? – тревожилась мадам де Бельфор, с беспокойством глядя на брата.

– Вздор! – воскликнула мадам Сен-Омер, прежде чем кто-то успел ответить. – Идеальная мышеловка с самым аппетитным сыром, какой только можно вообразить. Браво, малышка! Сегодня ты всех мужчин сведешь с ума.

– Я согласна с Антуанетт, – вмешалась Жасмин, успокаивающе поглаживая пухлую ручку мадам де Бельфор. – Отем уже не шестнадцать, Габи. Не годится одевать ее, как девочку.

В зал вбежали Этьен и Ги – так поспешно, что едва не сбили друг друга с ног, – стремясь поскорее поцеловать руку Отем. Герцог был в серебряном костюме с короной в виде полумесяца. Его спутник предпочел одеться в синее с серебром. Головным убором графу служил золо-

тисто-серебряный хвост кометы. Отем искренне восхитилась обоими, хотя каждый считал, что сумел превзойти соперника. Едва послышались звуки музыки, молодые люди заспорили, кому первым танцевать с девушкой. Но тут откуда ни возьмись возник незнакомец, переодетый разбойником, в черном плаще и широкополой шляпе с белыми перьями. Он протиснулся между герцогом и графом, поклонился Отем и увлек ее в круг танцующих.

– Кто это? – спросила Жасмин.

– Если не ошибаюсь, сам д’Олерон, – усмехнулась Антуанетт. – Так и думала, что любопытство в конце концов возобладает.

Жасмин с неподдельным интересом наблюдала за дочерью и улыбалась, вспоминая свои юные годы.

– Вы дерзки, – упрекнула Отем «разбойника», делая очередное сложное па.

– Не более чем ваш наряд, дорогая! Сверкаете и переливаетесь как путеводная звезда, словно предлагаете себя тому, кто больше даст.

– Мне это ни к чему, месье, – сухо возразила Отем. – Я наследница огромного состояния.

Кавалер рассмеялся, искренне забавляясь разговором:

– Неужели, мадемуазель?

Отем остановилась посреди зала и гневно топнула ногой.

– У меня нет причин лгать!

– Не стоит устраивать сцен, дорогая, – посоветовал «разбойник», выделявая очередную фигуру. – У вас пылкий нрав, но именно такие женщины мне нравятся. С характером. Не желаю жениться на каком-нибудь унылом создании без страсти и огня.

– Жениться? – ахнула Отем. – Что вы имеете в виду, месье?

– Вы явились во Францию, чтобы найти мужа, так, по крайней мере, утверждают сплетники, – сообщил он и снова рассмеялся, видя, как вспыхнули ее щеки. – Я же, к радости всех моих родственников, готов надеть на себя брачное ярмо. Думаю, вы вполне подойдете, леди Отем Роуз Лесли.

Этот голос. Его голос.

– Вы! – воскликнула она. – Это вы! Тот мужчина в лесу, который назвался вором!

Музыка смолкла, и кавалер отвесил элегантный поклон:

– Жан-Себастьян д’Олерон, маркиз д’Орвиль, к вашим услугам, мадемуазель.

Он поймал ее руку, поцеловал, но не отпустил и вместо этого повел девушку через весь зал к крохотной нише.

– Я не выйду за вас, будь вы последним мужчиной на земле! – окончательно рассердилась Отем. – Уж скорее умру девицей!

– На это нет никаких шансов, дорогая. Неужели вы предпочитаете двух самодовольных болванов, которые следят за каждым вашим шагом?

– Этьен – герцог, а вы всего лишь маркиз, – нехотя обронила Отем. – Что же до Ги... он умеет меня позабавить. А вас я даже не знаю.

– Узнаете, – уверенно кивнул он. – Пусть Сен-Мигель и герцог, но моя кровь гораздо голубее, чем у него. – И, прижав ее к каменной стене, прошептал: – Тебя когда-нибудь целовали? – Он провел пальцем по полному роту девушки. – У тебя губы, как лепестки роз.

Бешеный стук сердца громом отдавался в ушах. Целовали ли ее когда-нибудь? Нет! Конечно, нет! Но теперь... кажется, теперь она узнает, что это такое!

Дерзкие пальцы приподняли ее подбородок. Губы коснулись ее уст. Отем глубоко вздохнула, не в силах шевельнуться.

Себастьян отстранился:

– Тебе лучше закрыть глаза, дорогая. Давай попробуем еще раз.

Он вновь завладел ее губами, и ресницы медленно опустились.

Она взмыла к небесам. Именно так она и представляла себе первый поцелуй.

Восхитительно, и даже более того!

Но у него нет никаких прав на подобные вольности!

Отем подняла ногу и вонзила усеянный алмазами каблучок в сапог наглеца.

– Да как вы посмели, месье! – прошептала она и, когда тот, тихо выругавшись, отпрянул, ударила его по щеке, протиснулась мимо, стараясь не прикасаться к атласу костюма, и поспешила в зал.

Дьявол, она проткнула ему ступню! Удастся ли теперь снять сапог? Нога наверняка распухла и в синяках. Ну и дикая кошка! Теперь Себастьян уже не сомневался, что именно эта девушка должна стать его женой. Он понял это в тот день, когда увидел ее в лесу, но постарался выждать: перед тем как начать ухаживать за порядочной девушкой вроде Отем Лесли, предстояло кое-что сделать. Его любовнице Марианне Буше следовало выделить достойное содержание, а их общую дочь пристроить в монастырскую школу. Он распорядился заплатить за обучение. Когда девочка вырастет, он найдет ей мужа и даст приданое. Марианна позаботится, чтобы он ничего не забыл. Она женщина практичная. Он купил ей дом в Туре рядом с монастырем, где жила их дочь. Там ей будет удобно. Она должна понять: их отношения закончились. Он женится и заведет детей.

Себастьян, слегка хромя, пересек зал и подошел к хозяину, развязывая на ходу маску.

– Филипп, спасибо за то, что пригласили меня, – с поклоном поблагодарил он. – Мадам, добрый вечер.

Он снова поклонился, на этот раз дамам.

– Позвольте представить мою кузину, вдовствующую герцогиню Гленкирк, – сказал Филипп.

Маркиз почтительно поцеловал руку Жасмин.

– Теперь я вижу, мадам, от кого унаследовала красоту ваша дочь. Прошу разрешения навестить вас, когда вы вернетесь в Бель-Флер. Только не обещайте дочь никому другому, пока мы не поговорим.

Мадам де Бельфор громко ахнула. Мадам Сен-Омер многозначительно усмехнулась.

– Я никому не могу обещать свою дочь без ее согласия, месье, – пояснила Жасмин. – В нашей семье существует традиция позволять девушкам самим выбирать себе мужа. Мы предпочитаем жениться и выходить замуж по любви.

– Весьма эксцентричный обычай, госпожа герцогиня, но вы правы, единственный повод для брака – это любовь.

Себастьян опять поцеловал ей руку, повернулся и вышел из зала.

– Господи боже! – пробормотала мадам де Бельфор, энергично обмахиваясь веером. – Мой племянник должен держать ухо востро, если надеется сделать Отем своей женой.

– Не стоит зря тревожить его, Габи, – посоветовала Жасмин. – Отем уже сказала мне, что хотя она и весело проводит время в такой дружной компании, ни Этьен, ни Ги ей не нужны. Я предложила ей лучше узнать молодых людей, прежде чем принять решение. Моя дочь молода, и, хотя ей не хватает мудрости, которая приходит с годами, все же она девушка разумная.

– Но д'Олерон так... так... – начала Габи, пытаясь найти нужное слово.

– Так восхитительно мрачен и опасен, – со смешком докончила мадам Сен-Омер. – О, снова стать девятнадцатилетней и такой же прекрасной, как Отем! Что за мужчина наш неуловимый маркиз, сестричка! – Она с наслаждением причмокнула.

– Но, Антуанетт, что мы скажем Этьену? Он поистине очарован Отем! – запричитала ее сестра.

– Повторяю, кузина, не стоит ничего говорить, – вмешалась Жасмин. – Решать самой Отем, пусть она и объясняется с отвергнутыми поклонниками. Не хочу, чтобы кто-то повлиял на выбор дочери. Еще откажется вообще выходить замуж, посчитав, что на нее слишком давят.

– Ты с самого начала была за д’Олерона, – прошипела Габи, обращаясь к сестре. – Бедняжка Этьен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.